

Гай Юлий Орловский

Ричард

Длинные Руки —
фюрст

На земле
и под водой
Бравый Ричард
наш герой!

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки – фюрст
Серия «Ричард Длинные
Руки», книга 28

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632825
Ричард Длинные Руки – фюрст: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48909-1

Аннотация

Каравелла под всеми парусами, свежий морской ветер, игривые дельфины, в каюте принцесса Констанция Бретонская из династии Керлингов... Все предвещало сэру Ричарду прекрасное легкое путешествие после трудных боев в пыльных степях Гандерсгейма.

Он и планировал отдых. Но кто хочет рассмешить Бога, пусть расскажет ему о своих планах.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	38
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	85
Глава 7	99
Глава 8	111
Глава 9	124
Глава 10	133
Глава 11	148
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные

Руки – фюрст

На помощь, герцог, поскорей на помощь!
Король наш чудеса творит в бою,
Он рвется всем опасностям навстречу
И бьется пешим – конь под ним убит,
И Ричмонда он ищет в пасти смерти.
Скорей, скорей, милорд, иль бой проигран!

Входит король Ричард.

Король Ричард

Коня! Коня! Корону за коня!

Кетсби

Спасайтесь, государь! Коня добуду!

Король Ричард

Прочь, раб! Я здесь поставил жизнь на карту
И буду ждать, чем кончится игра.
Шесть Ричмондов, как видно, вышли в бой!

Я пятерых убил – и все не он.
Коня! Коня! Корону за коня!

Часть I

Глава 1

Люблю устраивать неожиданности другим, но не люблю, когда их по-свински подкладывают мне. В голосе Ордоньеса прозвучала неподдельная зависть, когда сообщил о пассажирке, и пока я стоял с раскрытым ртом, он повернулся и подчеркнуто деловито начал присматриваться к слаженной работе матросов на каравелле, а я, напротив, ошалело смотрел на быстро скользящий мимо берег.

Даже каравеллы Ордоньеса, не имея надлежащих инструментов, уверенно плавают только вдоль берега, как аргонавты какие-то, а переход через океан — что-то дико экстремальное, в слепой надежде не промахнуться мимо огромного материка на другой стороне.

И пока корабль не повернул в открытый океан, надо что-то решить. Быстро. Берег этот принадлежит, если не ошибаюсь, королевству Брегония, чья принцесса у меня на борту. Более того, в моей каюте.

Конечно, королевства уже не существует с момента, как в него вошли мои войска, точно так будут упразднены и все прочие карликовые государства, а принцесса фактически уже перестала быть ею... но пока этого не знает, потому на-

до не забыть поклониться, для меня это ничего не стоит, тем более – красивой женщине.

– Ну, граф, – сказал я в сердцах, – и подсунули вы мне свинью!.. А я-то думал, на ваш корабль и мышь не пролезет!

Ордоньес обернулся, огромный, лицо в белых и багровых рубцах шрамов, в глазах грозное веселье.

– Ваша светлость, – сказал он с чувством, – я всегда говорил, вам везет, как уж и не знаю!

– В чем на этот раз?

Он вздохнул.

– Если бы в мою каюту пробралась такая красotka... клянусь всеми богами моря, я бы отбиваться не стал!

– Точно?

– Могу поклясться и своим кораблем! А вас вон как перекосило, будто лимон сжевали... Как можно таким обожраться?

– А вот можно, – сказал я сварливо. – Что женщины?.. Одно и то же. Мне бы что-нить рыбное... Ладно, пойду поговорю.

Я начал спускаться с качающегося мостика, стараясь не промахиваться мимо ступенек, а он сказал в спину с фальшивым сочувствием:

– Да-да... поговорите.

Я открыл дверь в каюту, сошел по ступенькам. Леди Констанция вскочила из-за стола, прекрасная и решительная, с разбурявшимся лицом и блеском самопожертвования в

ясных глазах.

– Сэр Ричард!

Я указал пальцем наверх.

– Слышите, наверху шум? Матросы подступили к капитану с оружием в руках. Назрел бунт, народ жаждет выбросить вас за борт. Женщина на корабле – к беде, знают все.

Она охнула:

– Но как же...

– Предрассудки, – согласился я сочувствующе. – Дикий у нас еще народ, темный! В гороскопы верит. Представляет, идиоты? С виду вроде люди, а на самом деле козлы, скорпионы, овны. Но таких, увы, большинство. А когда у этого большинства еще и оружие, нельзя не считаться, хоть у нас не совсем демократия. Я попросил Ордоньеса договориться насчет высадки вас на берег, но простой трудовой народ настроен очень уж решительно. Мол, и у нас есть права, потому за борт, кричат, и все.

Ее глаза стали огромными, в них впервые проступил ужас.

– Это ужасно!

– В какой-то мере я с вами согласен, – ответил я. – Хотя и должен учитывать волеизъявление народных масс. Вот до чего доводит чистота и благородство помыслов. Вы по детскости своей...

Она пылко возразила:

– Я взрослая, сэр Ричард!

– Но знаете ли, – спросил я, – что на море действуют со-

всем другие законы? А сухопутные... так их здесь зовут, не имеют на кораблях силы? Это я к тому, что ваша жертвенность здесь напрасна.

– Как это?

– Не будет засчитана, увы.

Она вскрикнула, как раненая птица:

– Почему?

– То, – объяснил я, – что толкнуло вас сюда явиться, может быть признано осуществившимся либо в вашем королевстве, грубо захваченном жестоким... э-э... захватчиком, моей светлостью то есть, либо в его лагере, в моем, значит. Вблизи стен вашей столицы. Таковы каноны юриспруденции, дорогая принцесса! Не я ее придумал, это все грубый Рим с его гладиаторами, а затем папской властью. Потому и говорю, вы многого еще не знаете...

Голос мой звучал мудро и проникновенно, и хотя эту чушь выдумываю на ходу, но вижу, как ее лицо изменилось, поверила, ужаснулась, опечалилась, даже оглянулась на дощатую стену, за которой вот-вот начнет отдаляться берег.

Раскрасневшиеся щеки побледнели, она наконец проговорила дрожащим голосом:

– Ну тогда... Изнасилуйте меня побыстрее да выбросьте на берег... Чтобы мои подданные увидели, как я честно разделила со своим народом его скорбную участь.

– От вашего королевства уже далеко.

– Расскажут, – вздохнула она. – О таком расскажут, вы же

знаете, в первую очередь.

– Неужели и ваши подданные такие?

– Все люди, – сказала она сердито, – такие! Но на этот раз и я не буду скрывать.

– Не доплывете, – сказал я безжалостно. – А поворачивать корабль не стану.

Ее глаза радостно заблестели, она сказала с просветленным лицом:

– Прекрасно! Вы хорошо придумали. Пойдет слух, что вы меня зверски изнасиловали и убили, а обезображенный труп сбросили за борт. Мое имя войдет в святцы, мой портрет повесят в тронном зале! Может быть, даже сделают барельеф со сценами... ну, моей мученической смерти в гнусных лапах жестокого тирана, хотя, надеюсь, без лишних подробностей и не слишком реалистично, все-таки детям будут показывать и учить на моем примере стойкости и верности долгу... а также великой любви к своим подданным. Возможно, на что не смею и надеяться, поставят небольшую статую в самом дворце... или хотя бы в саду у фонтана?

– Да, – сказал я, – рядом с Гераклом, разрывающим пасть писающему мальчику. Вы все продумали, как я вижу.

– Я принцесса, – ответила она с достоинством, – я обязана продумывать свои слова и действия наперед.

– Леди Констанция, – сказал я с холодной учтивостью, – мы на корабле, а здесь, как я уже упомянул, другие законы. Закон тайги, в смысле закон моря. Здесь женщин не насилу-

ют, а сразу топят. Почему? А потому, что едва на корабле появляется женщина – крысы в панике бегут на берег. Они умные, знают, чем это кончится.

– И... что же... – прошептала она, – меня сейчас утопят? Вот так сразу?

Я ответил со вздохом:

– Хотел бы сказать, что не вот так сразу, но, боюсь, врать как-то неуместно, хотя вы женщина – надо бы врать. Если Ордоньес не договорится...

– Но он же адмирал!

– Увы, – сказал я, – есть общие законы для всех, которые не волен нарушать даже адмирал. Впрочем, я выйду и попробую вместе с ним уговорить разбушевавшуюся чернь в исполнении их демократических прав просто выбросить вас на берег.

– Выбросить?

– Есть разница, – напомнил я, – быть выброшенной в море или на берег.

– Ох, простите...

– Будьте готовы, – сказал я.

Она нашла силы присесть в грациозном поклоне.

– Ваша светлость...

– Леди Констанция.

Я неспешно вышел, стараясь не ускорять шаг, а то неверно будет истолковано, аккуратно прикрыл за собой дверь. Пол под ногами ощутимо наклоняется то в одну сторону, то в

другую, но с такой неспешностью, что организм вскоре сам приноровился, и я перестал замечать качку, к которой адмирал Нельсон так и не мог привыкнуть до конца жизни.

Ордоньес вскинул брови, в глазах недоверие, но спорить не стал, отдал приказ, матросы начали опускать за борт лодку. Я проинструктировал тех, кто будет на веслах, как держаться и что говорить, Ордоньес взвеселился и сам спустился за принцессой, а когда поднялись на палубу, лицо его было жестоким и жаждущим утопления, а она трепетала и смотрела непривычно пугливо.

Когда шлюпка отчалила и быстро пошла к берегу, Ордоньес посмотрел вслед с жалостью.

– Ваша проблема не решена, – буркнул он, – ваша светлость, только отодвинута.

– И то дело, – ответил я. – Все проблемы делятся на те, которые решить невозможно, и на те, что решаются сами. Нужно только отодвинуть их на время.

– Кто-то решит за вас?

– Или решения не понадобится. Жизнь непредсказуема, адмирал! Боюсь, на островах в этом убедимся.

Он даже не заметил, как я хитро увел разговор от щекотливой темы, сразу оживился, потер ладони.

– Да, на островах всегда неожиданности! Люблю.

– Но ведь непредсказуемость – это плохо?

Он изумился:

– Кто вам такое сказал? Если все предсказуемо – это не

жизнь, а так... Даже не знаю, что.

– Жить необязательно, – сказал я, – а вот плавать... так?

– Золотые слова, – сказал он горячо. – Плавать – это... я не могу даже сказать, это больше, чем жить. Посмотрите на «Ужас Глубин», разве есть что-то прекраснее, чем каравелла по всеми парусами?

Глаза стали масляными, а губы сложились трубочкой, вот-вот засюсюкает. «Ужас Глубин» идет впереди против солнца, и оно то скрывается за туго натянутыми парусами, делая их обжигающе пурпурными, то неожиданно находит между ними щель и остро бьет по глазам. В такие мгновения весь мир вспыхивает, уходит ощущение реальности, мы плывем не то по волнам, не то по облакам...

«Ужас Глубин» гордо несет две мачты, а «Богиня Морей» – три, но все равно та и другая – малые каравеллы, о чем, конечно, Ордоньесу не скажу. Огромными кажутся только потому, что все так называемые корабли нашего побережья – это просто лодки с одним-единственным парусом.

Правда, драккары викингов ухитрялись ходить даже через Атлантику в Новый Свет, но уж не знаю, сколько выходило в путь и сколько doplывало, к тому же викинги никогда не дрались на море, не умели просто, а для нашего флота драться – это жить.

Прежде чем торговать с Югом, дорогу надо расчистить. Да и для вторжения хорошо бы промести перед собой океан, чтобы вместе с кораблями не погиб и цвет крестоносного

рыцарства.

На этой каравелле пятьдесят два человека, хотя стандарт для таких судов – сорок, однако после гибели остальных кораблей остатки поредевших экипажей Ордоньесу пришлось перебросить на эти два оставшихся.

У обоих длина по двадцать ярдов, ширина – шесть, осадка – чуть больше двух, а перевозить могут шестьдесят тонн, что позволит решать ого-то какие задачи...

Ордоньес, словно угадал мои мысли, сказал тепло:

– Нам для короткой разведки хватит и двух каравелл. Это же настоящие гиганты, не так ли, милорд?

– Если сравнивать с лодчонками пиратов, – сказал я, – то да.

Он покосился, уловив нечто недоговоренное, но смолчал. Третий корабль, «Синий Осьминог» сейчас старательно ремонтируют в бухте Тараскона, заодно на практике постигая секреты пропорций большого корабля.

Я дал указание мастерам сделать чертежи, но даже Ордоньес пока не догадывается, что в моих планах на самом деле есть что-то еще, помимо ремонта и попытки построить такую же каравеллу своими силами.

Ордоньес остался на мостике, я начал спускаться вниз, по ходу услышал смешки матросов, кто-то спросил:

– Ну почему Господь Бог не создал человека с жабрами?

– Зачем?.. – спросил другой голос. – Хотя да, понятно. Ты бы убежал с корабля к этим морским девам?..

– Не убежал бы, – возразил другой голос, – а так... сплавал бы пару раз. Или больше.

– Как тебе не стыдно, бабник.

– Не всем же так везет, – возразил им третий голос, – как нашему лорду! К нему бабы сами слетаются...

Суровый голос посоветовал:

– Прикуси язык. Он лорд, понял?

– Ну...

– Станешь лордом, – произнес тот же голос, – и к тебе прилетят. А пока на тебя слетаются только навозные мухи.

Уже знают, мелькнула сердитая мысль. Ну да, еще бы, принцесса Констанция Брегонская явилась же открыто. Может быть, брякнула в своей самоотверженности, какой именно долг собирается исполнить, теперь у матросов будет беспокойный сон, хотя она уже давно на берегу.

Корабль – не дворец или замок, здесь засыпаешь и просыпаешься под топот матросов, за тонкой стеной из досок шумят волны, иногда ухитряются зайти сбоку, тогда деревянный борт жалобно поскрипывает, а сам корабль мелко вздрагивает.

Будь это нужно только императору, я бы и думать не стал про эти острова. Однако именно с архипелага хлынули две или три волны переселения в Гандерсгейм, а может, и больше. Всякий раз страну разоряли, а остатки уцелевшего населения покоряли.

Я все равно заинтересовался бы островами со временем, но император подвигнул чуть раньше. Возможно, хитроумный замысел в том, чтобы приучить меня к мысли, что желания наши совпадают, и в следующий раз постараться толкнуть в авантюру, хоть и полезную, но менее желательную...

«Богиня Морей», похоже, была на Юге не простой каравеллой, а кораблем высоких императорских чиновников, что зачем-то передвигались морскими путями. Во всяком случае, об этом говорит слишком уж высокая корма, где много помещений для лиц, я бы сказал, не совсем простых, и даже очень непростого звания.

Даже моя каюта огромная, это непрактично, хотя, признаю, настолько удобно, что я больше сидел за столом, чем торчал на мостике. Сейчас, развернув карту Сен-Мари и Гандерсгейма, я всматривался в единственный тоннель, соединяющий с северными королевствами, где и моя Армландия, и до треска мозгов продумывал, как все это слить воедино через одну-единственную артерию.

Снаружи донесся едва слышный вопль:

– Слева по борту... обломки!

Не утерпев, я выскочил наверх. Солнце ударило в глаза, на самом верху мачты, где «воронье гнездо», матрос размахивает руками и, едва не подпрыгивая, орет:

– Там человек!.. Даже два... Нет, один точно!

Тут же простучали по палубным доскам подошвы башмаков, кто-то закричал еще громче и начал тыкать пальцем в

блестящую, как живое серебро, даль.

Один из младших командиров проревел зычно:

– На бразях стоять!.. Шлюпку на воду!

На мостик поднялся Ордоньес, тоже смотрел, как и я, с интересом, но ни во что вмешиваться не стал, значит, все по плану, ситуация не новая, все поступают согласно давно установленным правилам.

Заскрипели блоки, шлюпка пошла вниз, я слышал, как плюхнулась днищем о воду, затем послышались дружные удары весел.

Через минуту она показалась из-за громады корабля уже далеко, четыре пары весел гонят ее уверенно и быстро к темнеющим вдали обломкам.

Ордоньес пробормотал с удовлетворением:

– Ну вот, что-то да узнаем про острова...

– До них уже близко?

– Рукой подать, – заверил он.

– Если не крестьянин, – сказал я, – те правую руку от левой ноги отличить даже не пытаются.

– Крестьян в море не берут, – ответил он и добавил почтительно: – ваша светлость.

– Вы правы, – сказал я, – граф. Что ж, ему не повезло, зато нам...

Он засмеялся:

– Я всегда считал вас везунчиком, ваша светлость!

– О неудачах умалчиваю, – ответил я честно. – Только и

всего.

Он ухмыльнулся, но промолчал и продолжал наблюдать, как лодка наконец приблизилась к плавающим обломкам. Матросы протягивали руки, что-то долго вылавливали, опасно раскачивая шлюпку.

Ордоньес начал хмуриться, наконец там развернулись, весла дружно ударили о воду, лодка легла на обратный курс.

Глава 2

Подручные Ордоньеса, Юрген и Мишель, поднялись на корабль первыми, повернулись, перегнувшись через борт, протянули руки, однако спасенный ловко перепрыгнул на палубу, быстро окинул нас с Ордоньесом цепким взглядом и довольно элегантно поклонился, распределив поклон строго на двоих.

Чуть выше среднего роста, крепко сбитый, с красным обветренным лицом, близко посаженными глазами и хвастливо поднятыми кончиками коротких усов, что ухитрились не опуститься, даже намокнув. Еще короткая борода от ушей, везде одинаковой длины, что значит, бдительно стрижет и подбривает в нужных местах.

– Что у вас за корабль? – сказал он ошалело. – Это же... целый дворец! Я даже не знал, что такие бывают!

– Неплохой корабль, – согласился Ордоньес довольно. – Мне он тоже как бы нравится.

– Еще бы!

– Кто вы, сэр?

Спасенный гордо выпрямился:

– Магистр-капитан корабля «Бессмертный» Вебер Кронберг из рода... старинного и почтенного рода, смею вас уверить!...

– Нисколько не сомневаюсь, – заверил Ордоньес, – это

был ваш корабль?

– Увы, сэр...

Ордоньес подсказал с покровительственной ноткой:

– Ордоньес, адмирал, к вашим услугам. Это – сэр Ричард, эрцгерцог, маркиз, маркграф и что еще... Насколько знаю, увы, тоже не магистр, как и я. Вы на моем корабле, где окажут весьма теплый прием...

– Благодарю вас... адмирал.

Ордоньес распорядился громогласно:

– Сэр Юрген, проводите гостя, помогите обсушиться, дайте другую одежду.

Сэр Вебер с достоинством поклонился.

– Весьма признателен, адмирал.

– Потом жду на ужин, – сказал Ордоньес.

– Сочту за честь!

Когда спасенного повели вниз, Ордоньес проговорил вполголоса:

– Если скажет, что буря перевернула его корабль – не поверю.

– Даже я не поверю, – согласился я. – Но если начнет рассказывать о Великом Кракене...

– А что это?

– Такой огромный осьминог, – пояснил я. – Или кальмар.

Он поморщился:

– Каких только вы страшилищ насмотрелись, ваша светлость! Противно и завидно.

– Еще встретите, – пообещал я.

Он хмыкнул.

– Вообще-то больше поверю, что с кем-то подрался, и его притопили. Больно вид у него... драчливый.

– Как могли притопить, – спросил я, – корабль с таким названием?

Он довольно хохотнул в ответ.

В кают-компании, так я назвал небольшое помещение, где за столом поместились мы с Ордоньесом, трое из высшего эшелона команды и сэр Вебер Кронберг, тесно, но только на мой взгляд. Для команды Ордоньеса это нормально, а капитан Вебер в диком восторге то и дело крутит головой.

«Богиня Морей» в прошлой жизни, как я уже заметил, явно была не простой каравеллой, для адмирала эскадры помещения обычно расширяют, украшают их изнутри дорогими породами дерева, изысканной резьбой, дорогими коврами, потому сейчас Вебер не находит слов, глаза уже, как у морского рака, вылезают из орбит.

Ордоньес, хитро улыбаясь, послал стюарда, это слово тоже я ввел в употребление, за ромом. Не знаю, не сглупил ли я, но уж очень как-то хотелось похвастаться, и я наделал его с запасом, теперь у Ордоньеса целый бочонок.

Вебер держался гордо и с великим достоинством и за столом. Ордоньес угостил его ромом, Вебер едва не задохнулся от первого же глотка, решив, что обычное вино, на мой вкус

кислое и очень слабое. Ордоньес сам колотил его по спине и довольно ржал, как табун степных коней.

Я пить не стал, отлучился на палубу, где долго бродил от борта к борту, прикидывая, что здесь можно поставить для обороны и нападения, нельзя же, чтобы такой громадный корабль оборонялся мечами и топорами.

Когда я наконец вернулся, Вебер уже возбужденно и со злостью рассказывал:

– У них было три корабля против моего одного! А еще мой перегружен зерном и говядиной, что мы везли на остров Каменные Рога. В общем, шансов у меня почти не было, но не мог же я сдаться проклятым кребесам, что лягушек жрут?.. Они потребовали сдаться, представляете эту наглость? Я принял бой, они не могли взять нас на абордаж, я заранее укрепил сетки, знаю их нехитрые приемчики, а тех идиотов, что все-таки пытались перепрыгивать к нам и тут же запутывались, легко перебили...

– Ого!

– Вот-вот, – сказал подбодренный Вебер. – Потеряв треть нападавших, они пришли в ярость и начали расстреливать нас из арбалетов, что пробивают борта. На море от них совсем мало толку, с качающегося на волнах корабля попасть почти невозможно, болты идут то выше голов, то совсем в воду... я уж совсем уверился, что вот-вот кончатся, сколько там они могут стрелять без толку, но последними, увы, искрошили в двух местах борт ниже ватерлинии.

– Сочувствую, – сказал Ордоньес.

Вебер отмахнулся.

– Да, это обидно, мы ж почти отбились... Они как раз начали отказываться от попыток захватить нас! Но корабль, увы, перегруженный зерном, накренился на один бок, и мы уже ничего не могли сделать. Одно утешает, этим сволочам не достался мой груз, который они так жаждали захватить!

Ордоньес кивнул.

– Да, это было отважно. А как насчет команды?

Вебер переспросил в недоумении:

– Что насчет нее?

Юрген уточнил:

– Кто-то уцелел?

Вебер отмахнулся с великолепной небрежностью:

– Был бой, кто о таких мелочах думает?

– Гм, – сказал Ордоньес, – все-таки... не знаю... может быть... были и другие способы решить проблему? Все-таки потеряны и люди... и корабль...

Вебер проглотил кусок жареного мяса, потом сообразил, что именно спрашивает капитан огромной каравеллы, икнул, глаза стали круглыми, а челюсть отвисла.

– Это как понимать, – переспросил он в надменном недоумении, – вы на моем месте... конечно же, сдались бы?

Ордоньес побагровел, челюсти сжались, но увидел, что слежу за ним, некоторое время боролся с собой, обещал же научиться держать себя в руках, именно этим благородный

человек отличается от всех прочих.

В кают-компании наблюдали за ним, кто открыто, кто с чувством неловкости за капитана, исподтишка, наконец Ордоньес бросил на меня злой взгляд и картинно выпрямился за столом.

– Я, – проговорил он неспешно, – я... гм... все-таки на своем... довольно высоком месте. У нас говорят, капитан на корабле – первый после бога. Мне трудно представить себя на мостике такой крохотной лодчонки... простите, корабля, у вас было то, что называете кораблем, верно?.. Потому не берусь судить, верно поступили или неверно. Я так давно вырос из детских штанишек, что даже и не помню их... Теперь мне кажется, я всегда был капитаном моей красавицы «Богини Морей». Как она вам?

Вебер нехотя кивнул.

– Впечатляет, – произнес он сквозь зубы. – Весьма. Строители создали просто чудо. Уверен, любого дурака поставь на мостик, все равно такой корабль не возьмут на abordаж.

Все ждали, что Ордоньес взорвется, однако тот уже взял себя в руки, снисходительно улыбнулся:

– Надеюсь, вы правы, сэр Вебер. Такой корабль ничем не взять, даже если на мостике будет стоять полный идиот. Даже если.

Я поднялся, Ордоньес и все, кроме Вебера, незнакомого с нашими порядками, почтительно встали.

– Отдыхайте, – сказал я доброжелательно. – Взгляну, как

там море... Говорят, волны вечером особенно похожи на песчаные барханы?

– Это точно, – воскликнул Ордоньес бодро, – только у нас эти барханы живые.

Вебер добавил:

– Не понимаю, как вообще можно жить на суше?

Ордоньес взглянул на него уже с одобрением. Я кивнул всем и вышел наверх, на палубу, а оттуда поднялся на мостик.

Отсюда хорошо видно, как корабль тяжело взбирается на волну, а потом так же по-динозаврьи неторопливо сползает с горки, но выглядит это страшно, когда вот так рушится, нацелившись острым носом, в водяную бездну и даже зарывается в нее клювом бугшприта, однако в самой опасной точке, когда остается только утонуть, с трудом упирается пузом в поверхность воды и начинает мучительное вползание на следующую водяную гору. И не знаешь, взберется или же не хватит сил, и тогда заскользит назад все быстрее и быстрее...

Я не знаю, по морской классификации сейчас дует ветер свежий, сильный, крепкий или очень крепкий, но не слабый или умеренный точно, как и не штормовой, к счастью...

Пока я вживался в мир новых единиц измерения, сильное волнение, как это часто бывает в море, упало до слабого, это с пяти ярдов сразу до одного, и корабль пошел, как балерина по паркету.

Я в который раз напомнил себе, что надо будет изобрести

подзорную трубу. Это так просто, ее могли бы создать еще в Древнем Египте, и нельзя сказать, что тогда рабский труд и все такое, высокая техника была не нужна. Подзорная труба нужна всегда и везде там, где воюют, за нее полководцы древности отдали бы любые сокровища.

В общем, как только вернись на берег, так сразу.

Тот, кто полагает, что пираты только и делают, что плавают по морям и грабят чужие корабли, упускают из виду, что награбленное нужно где-то продавать, к тому же любой шторм повреждает судно, не говоря уже о сопротивляющемся противнике, а ремонт можно провести только на берегу, где пополнить запас новых парусов взамен изодранных бурями, строевой лес для мачт и заменить истерзанную обшивку на корпусе...

Существовали целые пиратские республики, знаменитая Тортуга была не единственной, просто ей больше повезло с романистами. Вообще-то на многих островах пахут землю и сеют пшеницу, так как и пиратам нужен хлеб, разводят овец и стада коров, держат виноградники, всю работу кожевенные мастерские, оружейные и прочие-прочие, как и в любом большом городе.

Более того, местные власти, даже поставленные королями, сотрудничают с пиратами, где тайком, а где и открыто, все-таки пираты дают работу островитянам, щедро платят за провиант и хозяйственные товары. Более того, власти сами скупают у пиратов награбленное, а взамен снабжают заранее

приготовленными харчами и всем необходимым, дают опытных плотников для ремонта.

Насколько помню, уничтожение пиратства больно ударило по таким республикам, потому мне, наученному горьким опытом предшественников, хорошо бы заранее придумать, чем занять этих людей взамен, иначе пиратами станут даже те, кто никогда не думал о грабежах.

В синем небе появились темные точки, сперва одна, потом сразу три, вот их уже четыре... Я ощутил недоброе, слишком уж вырастают в размерах, не сдвигаясь в сторону, а это значит, идут прямо на нас.

– Тревога! – вскрикнул я. – Воздух!.. В смысле морды к небу!

На корабле сперва все затихло, даже рулевой поднял голову и начал всматриваться в приближающихся странных птиц. Оперение поблескивает металлом, размах крыльев еще не определить, но явно побольше даже самых крупных орлов...

Юрген прокричал:

– Ваша светлость!.. На всякий случай...

– Что?

– Вам бы укрыться...

Я опрометью скатился с мостика, ворвался в каюту, схватил лук Арианта, а когда выметнулся на палубу, огромные птицы, красиво наклонив книзу правые крылья, уже пошли над кораблем в неспешном полукруге, как истинные короли

небес.

От их движений пробрал холод, а когда увидел их хищные морды, пришла страшная догадка, которую еще не успел оформить в слова, но заорал во весь голос:

– Всем в укрытие!.. Всем!.. На палубе не стоять!

Птицы зашли на новый круг, приноравливаясь к ветру, так делают для точности сбрасывания некого груза, я вскинул лук и, наложив стрелу, повел им, захватывая ближайшую в прицел.

Юрген вскинул голову, я видел, как переменялось его лицо, такого откровенного ужаса еще не видел.

– Все вниз!.. – прокричал он. – Все!

Сам он, однако, метнулся к грот-мачте, прижался спиной, закинув голову. Птицы разом резко взмахнули крыльями, даже не взмахнули, а с силой ударили по воздуху, словно попытались не взлететь выше, а прыгнуть, как гигантские кузнечики.

Под ними блеснуло, и этот блеск стремительно понесся к нам, разбившись на множество ярких солнечных зайчиков, что играют на... падающих перьях, похожих на огромные ножи!

Птицы пронеслись дальше и начали медленно заходить на второй круг. Рядом со мной сухо треснуло. Доску расщепило, в ней задрожало, быстро успокаиваясь, перо длиной с локоть. Остальные перья со зловещим свистом и со стуком обрушились на палубу, и та обрела дикий и причудливый вид.

Раздались испуганные вопли, мимо моих глаз пронеслось нечто сверкающее, плечо резануло болью. Перо, порвав рубашку и оставив глубокий порез, с силой ударилось в деревянный пол и осталось там торчать, как дротик.

Юрген кричал от мачты:

– Не высовываться!.. Не бегать!

Сцепив зубы, я как можно быстрее заращивал рану, руки дрожат от жажды спустить тетиву, однако птицы сделали круг на высоте, потом опустились далеко за пределами выстрела из лука и понеслись стремительно, быстро-быстро работая крыльями.

Я понял, что пронесутся даже ниже клотика, сцепил зубы и затаил дыхание. Как только первая оказалась в пределах досягаемости, я с мстительным наслаждением спустил тетиву.

Птица дернулась, ее чуть подбросило, и она пронеслась над палубой... я не поверил глазам, даже не раненая. Моя стрела, отскочив, упала и запрыгала на середине палубы.

Тяжелые перья простучали по палубе, словно град. Утыканная ими, она стала еще страшнее, а птицы унеслись вдаль. Я торопливо ухватил перо, что рассекло мне плечо, пришлось напрячь мышцы, чтобы вытащить из дерева глубоко погрузившееся острие.

Остье металлическое, заостренное, дальше идет странная помесь металла и, да, пера, а верхушка от настоящего пера, что дает устойчивость в полете и точность в метании.

– Снова заходят! – прокричал кто-то.

Я ухватил лук, быстро наложил перо. Птицы идут на той же высоте, я прицелился, но на этот раз выстрелил не в грудь, что блестит, как панцирь сэра Растера, а в живот, там у любого зверя, рыбы и даже насекомого самое уязвимое место.

За выстрелом проследить не успел, но птица, как и та, которую ударил в грудь, не успела метнуть перья-ножи, ее пронесло над кораблем, трое поднялись, а эта пошла вниз и с шумом рухнула в воду.

Кто-то заметил, заорал ликующе, но тут же умолк, птицы развернулись и пошли в новую атаку. Я надергал из палубы несколько отсвечивающих металлом смертоносных перьев и приготовился, точно так, как и Юрген, укрываясь от прямого удара за мачтой. Когда на миг блеснуло не защищенное металлической чешуей белое брюхо, спустил тетиву.

На палубе слышались стоны, ругань, однако и вторая птица пролетела не дальше первой, а там на скорости нырнула под волну.

Остались две, я снова взял их на прицел, ждал, неужели нападут снова, двух все-таки нет, однако они тупо и молча ринулись в атаку.

Люди вскрикивали, но на этот раз ни одно перо никого не задело, зато мой выстрел ударил точно, хотя не совсем в брюхо, а чуть ближе к заднице, если не в задницу. Эта попыталась даже подняться, но сил не хватило, рухнула в воду, там барахталась и кричала, но тяжелая чешуя утащила под

воду.

Последняя оставшаяся тупо пошла в новую атаку. Я приготовился к стрельбе, для верности даже вышел из-за мачты. Птица на этот раз смотрела только на меня, а когда взмахнула крыльями, я понимал, что все оставшиеся перья нацелены мне в грудь.

Перо сорвалось с тетивы, я тут же сдвинулся обратно, и мачта загудела от щелчков. Четвертая перьеметательница не дотянула даже до воды, ее пробило почти насквозь, и она рухнула на палубу возле самого борта, дергалась и пыталась взлететь.

Юрген выскочил с диким криком и добил ее мощными ударами. Из-за мачты выскочил Вебер, рубашка разодрана, кровь на щеке, глаза дикие.

– Они все убиты!

Я отмахнулся.

– Да ну? Помогите осмотреть раненых.

Ордоньес прокричал с мостика:

– Доложить о повреждениях!

Вебер подбежал с ликующим воплем, в глазах восторг и то, что я не надеялся увидеть, – ликование и преданность воина более сильному воину.

– Сэр! – прокричал он. – Они обычно топили корабли!..

– В этом районе?

– Да, это их охраняемое место!

– Значит, – сказал я, – охранники из них хреновые.

– Нет, – возразил он, – это у вас не корабль, а целый город!

Я кивнул, эти тяжелые перья-ножи, падающие с огромной скоростью, в самом деле легко пробьют днище лодки, и та, конечно, пойдет ко дну. Даже когти очень уязвимы, там не такие толстые доски обшивки, как на тяжелой каравелле, перья могут пробить борта, а если туда начнет заливаться вода, такое чревато.

Мачту, если и не собьют, то могут серьезно повредить, а первый же сильный ветер довершит остальное.

– Осмотреть, – велел я. – Ощипать... если кому и зачем. Если мясо годное – сварить или зажарить, надо же потом бахвалиться, каких птичек на ужин настреливали.

Упавшую на палубу приволокли и бросили мне под ноги. Стрела, угодив в незащищенный живот, пробила внутренности и почти вылезла из спины, вот там вздулся горбик, на птичьей морде так и застыло недоумение...

Ордоньес обошел ее вокруг, ткнул пару раз носком сапога.

– Что за мерзость...

– Стимфалийские птицы, – сказал я деловито. – Довольно распространенная порода... правда-правда! Их раньше было хоть пруд пруди!.. Они не только убивают людей и скот, но и портили урожай... пометом.

Юрген вскочил.

– Пойду посмотрю, – сказал он встревоженно, – вдруг какая напоетила...

– Они раньше обитали на лесном болоте, – пояснил я, –

около города Стимфала в Аркадии. Потом, когда Геракл часть перебил, улетели в другие края, расширяя ареал охоты. Известно, нападали еще на аргонавтов, а это было далеко-далеко от их прежних мест. Теперь вот здесь... Сэр Вебер, они давно здесь прижились? И налетают, как будто несут службу?

Он кивнул:

– Да. Потому корабли с этой стороны никогда к островам не подходят.

– Гм, – сказал я, – тогда кто-то их приручил. По крайней мере кормит, дает приют. У нас много раненых?

– Один тяжело, семеро легко. А как вы, ваша светлость?

Я отмахнулся.

– Меня, как Оилея, то был один из аргонавтов, задело по плечу. Пустяки, уже само затянулось. Царапина. Продолжайте, я пока посмотрю раненых.

Тех уложили внизу, они так и не смекнули, почему я так заботлив, списали на то, что вот такой у меня замечательный характер, а я, убедившись, что дальше обойдутся без моего лечения, снова вернулся на палубу.

Птицу в самом деле деловито ощипали на трофеи, такие перья наверняка в цене, диковинка. Юрген воткнул два в свою пышную шевелюру и танцует что-то медвежье, дикое, время от времени делая вид, что вот щас кого-то забодает.

Ордоньес сошел с мостика мне навстречу, больше озабоченный, чем обрадованный.

– Как думаете, – спросил он, – еще будут?

– Вряд ли, – сказал я. – Что мы имеем? Понятно, птицами никто не руководил... по крайней мере, с момента их вылета. Либо вообще сами по себе, атакуют любые корабли, что идут с этой стороны, либо им кто-то поручил такое.

Ордоньес спросил с недоверием:

– А откуда видно, что нападением не управляла какая-то сволочь?

– Любой дурак отозвал бы, – пояснил я, – после первой же убитой. Более того, отозвал бы еще до того, как приготовились напасть.

– Почему?

– Если бы видел их глазами, понял бы: каравеллу не потопишь, как лодку или даже когг. Чтобы бороться с нами, нужны другие методы.

– Какие?

Я поморщился:

– Ну да, так все и выложу! На какого иностранного короля работаете, граф? Или на самого императора?... Во всяком случае, кто из врагов нас видел, тот уже спешно ломает голову над новыми приемами войны. А подсказывать не собираюсь.

Он посмотрел на закатное солнце, лицо в его жарком огне показалось мне совсем уж чугунным.

– Надеюсь, – пробормотал он, – сегодня неожиданностей больше не будет. Птицам пора в гнезда.

– А летучим мышам, – ответил я, – как раз пора на вылет...

Он вздохнул.

– Умеете сказать приятное.

– А что не нравится? – спросил я в удивлении.

– Да все это, – проворчал он, – летом жарко, зимой холодно, весной и осенью грязно. А еще дожди не выношу.

– Почему? – изумился я. – А для урожая?

– Какой в море урожай? – осведомился он.

– Я буду у себя в каюте, – сообщил я. – Если что, кричите!

Стимфалийские птицы оказались похожи на аистов, только побольше. Как известно, аисты и журавли легко побивают орлов, если те рискуют приблизиться, а стимфалийские вообще не только крупнее и мощнее аистов, но их длинные острые клювы легко пробивали медные и даже бронзовые панцири эллинских героев.

Хороший способ борьбы с ними нашли, как ни странно, простые пастухи и крестьяне. Они укрывали грудь толстым панцирем из лыка, при ударе клюв застревал, а свернуть шею даже крупной птице в состоянии любой мужчина.

С тех пор стимфалийских птиц почти не осталось, а выжили самые осторожные, они и теперь не рискуют вступать в бой на земле, как их отважные, но туповатые предки, а стараются поразить врага из безопасной позиции сверху.

Впрочем, их можно бить как из луков, так и из арбалетов. Только, как оказалось, не всякая стрела их берет.

Я спустился вниз, взялся за ручку двери, в это время сверху донесся голос Ордоньеса, мне почудилась издевка:

– Ваша светлость?

– Ну? – ответил я. – Что случилось?

– Вы повелели великодушно кричать, – напомнил он. –

Вот и кричу.

– А что там?

– Поднимитесь на мостик, ваша светлость.

Бурча, что везде одни проблемы, я заторопился наверх. Ордоньес на мостике смотрел вдаль, взгляд скользнул поверх моей головы.

Я торопливо обернулся, по телу пробежала дрожь, будто попал под холодный дождь. Далеко впереди прямо из воды торчит маяк не маяк, целиком из белого, как мрамор, камня, башня не башня: я бы скорее сравнил с... даже не знаю, с чем, но слишком уж высокое для этого мира нечто, утонченное и сверхизысканное. Да и черт знает как такое построили. Все-таки Средние века! Правда, еще в Древнем Египте громоздили гигантские пирамиды, и вообще в разных местах планеты находят странные штуки: то гигантскую колонну из чистого металла, который можно получить только методом порошковой металлургии, но колонне той тысячи лет, то непонятно как доставленные в пустыню сверхгигантские блоки для храма Баальбека...

Ладно, то Восток, который дело тонкое, а здесь рациональная с пеленок Европа, она не станет делать пирамиды

ни за какие пряники. Так что эта башня для чего-то служила, это не египетский Сфинкс, что только для красоты и загадочности...

Изумление закрадывалось все больше, наконец заполнило до кончиков ушей. Я еще понимаю, что на Востоке под руинами древних цивилизаций таятся еще более древние, все время их откапывают, но мы сейчас не на Востоке. Да и слишком безукоризненный расчет, слишком строгая форма, предельно простая, а Средневековье любит все украшать геральдическими львами.

За спиной послышались шаги, на мостик бодро взбежал Вебер, усики вообще уже приподнялись не только кончиками вверх, но вообще едва не подпирают широкие крылья носа.

– Какой же прекрасный вид, – провозгласил он восторженно, – с такого высокого места!

Ордоньес поморщился, на капитанский мостик может заходить только капитан и его первый помощник, но восторг магистр-капитана заставил великодушно заулыбаться.

– Да, – проговорил он жирным голосом кота, что сожрал целый кувшин краденой сметаны, – у нас тут... да...

– Что за маяк? – спросил я.

Вебер лишь повел глазом на исполинскую белую башню, тут же отвернулся и посмотрел вперед.

– Да какой это маяк?.. Так, просто камень. Торчит и торчит. Уже тысячу лет, как говорят.

Глава 3

Небо пылает пурпуром, на море закат потрясает воображение, отражаясь еще и в волнующемся зеркале бесконечного океана.

На его фоне «Ужас Глубин» прекрасен, как чудо научно-технической мысли, этот стройный корпус огромного корабля, голые мачты, от которых в строгом порядке натянуты едва видимые отсюда ниточки, длинный и острый бугшприт, что вообще-то тоже мачта, от него тянутся множество веревок к первой из двух мачт, что торчат посредине, начиная от самой верхушки и все ниже и ниже.

Когда пурпур и багрянец поблекли, мир озарился серебряным светом огромной луны. Море вокруг корабля заиграло, переливаясь жидким серебром, будто под нами океан ртути, волны тяжелые, с наступлением ночи вообще перестают покачивать корабль, затихают, засыпают...

Ордоньес все еще смотрит вдаль, оттягивая момент, когда надо спускаться в каюту.

– Красиво, – произнес я наконец с сожалением, – но, увы, надо идти мыслить.

– А здесь? – спросил он.

Я изумился.

– Стоять вот здесь, смотреть на такую красоту и... мыслить? Вы с ума сошли! Нет, я пошел вниз, в ту нору. Пусть

меня никто не беспокоит, я так уйду в свои государственные планы, что меня и отыскать не удастся!

Он тихо засмеялся, я спустился с мостика, внизу густая тень, там проскользнул мимо двери и неслышно пробрался к борту, откуда час назад заблаговременно спустил веревку.

Сонный вахтенный смотрит в ту сторону, куда плыли почти весь день, я тихохонько перелез через борт и начал спускаться по веревке. Вода даже с первого прикосновения не показалась холодной, а через минуту уже решил, что напоминает только что сдоенное молоко. Теплая и желанная, сама подсказывает, чтобы я превратился в огромную сильную рыбину... или не рыбину, но нечто с сильными плавниками и хвостом, способным работать, как гребной винт повышенной мощности.

Спасибо, ответил я мысленно в ответ, но сейчас мне хорошо бы нечто иное...

Я сосредоточился, постарался вообразить себя огромным и могучим драконом, что взметнется прямо из воды и рванется в небеса, сильный и красивый в невиданной этим миром мощи...

Что-то не ладилось, на всякий случай всплыл выше, чтобы голова высывалась среди волн, снова начал сосредоточенное превращение, ничто не отвлекает, все тихо и спокойно, только звездное небо и теплое море, должно получиться очень быстро.

Я сосредоточивался, расслаблялся, собирал волю в кулак,

наконец начал пыхтеть и злиться, однако оставался в человеческом теле. Наконец озлившись, перетек в тело некрупного ихтиозавра, может быть, пойдет полегче, все-таки он в родной стихии, а из моря человек вышел слишком уж давно...

Но ихтиозавр оставался ихтиозавром. Разуверившись в своих силах, я попытался превратиться во что-то еще, буквально за секунду отрастил лапы втрое длиннее, а шея вытянулась, настоящий плезиозавр, но мне до зарезу нужны не лапы, а крылья.

Дракон не получался, хоть убейся, хоть утопни.

Мощный хвост быстрыми толчками посылает тело вперед, я высунул голову на поверхность, так и есть, чутье не подводит, иду тем же курсом, что шел корабль. То ли у рыб, как и у птиц, есть шестое чувство ориентации, либо это я один такой, сейчас это неважно.

Вскоре догнал стайку дельфинов, сперва шарахнулись в стороны, потом вернулись и поплыли на почтительном расстоянии, рассматривая любопытными глазами.

Я попытался как-то заговорить, многие вообще считают их чуть ли не умнее людей, но эти оказались такими же тупыми, как и те, кто считал их умными, осмелели и приглашали меня играть и плавать наперегонки.

С другой стороны, на фиг кому нужен их разум? Был бы я рад, если бы мой пес вдруг стал разумным? У него появились бы какие-то добавочные права, требования, начал бы критиковать и учить меня, как жить и как править...

Пора бы поворачивать назад, признав печальную истину, что все демоны или боги прошлого, неважно, были, так сказать, региональными. В том смысле, что Зевс, к примеру, силен в своей Элладе, но в Скандинавии его побьет щелчком не только Тор, но и любой из мелких героев. Как и могучего Тора легко одолел бы в Элладе любой силач из смертных.

Я же поглотил мощь Темного Бога, который был пугалом именно в тех краях, так как только там мог проявить всю свою мощь. Я уже сталкивался с тем, что в Сен-Мари могу одно, а в Вестготии – другое, но как-то не подумал, что в море те способности вообще не сработают.

Я шел на большой скорости у самой поверхности, пару раз верхний плавник прорезал ее, как ножом, поспешно опустил чуть и там несясь, пока дно не начало повышаться с такой скоростью, что сперва даже с разгону зарылся рылом в крупнозернистый песок вперемешку с гравием.

Выше пошли монолитные скальные породы, мелочь осыпалась вниз, где я уже поцарапал рыло. Теперь я поднимался параллельно дну и под углом к поверхности, но вынырнул без плеска, высунув только длинную морду, торопливо осмотрелся.

Впереди крутой каменистый склон, влажно блестят валуны, с моря дует холодный ветер, в небе бледная луна, словно с воспалением легких, у нас в Сен-Мари покрупнее и не такая болезненная.

Волны накатываются на камни с таким грозным ревом,

словно вот-вот все разнесут, моськи чертовы, ничего из-за них не слышно, дуры лохматые.

За камнями ничего и не видно, я так и эдак пытался рассмотреть, что там наверху, даже выполз, как кистеперая рыба, на торчащий из воды валун, но хотя птицы и произошли от рыб, однако зрение у рыб пока что не орлиное...

Сердце стучит громко, хоть и рыбье... я, правда, не рыба, сам не знаю даже что, нечто вроде рыбьего динозавра, ну там плезиозавр или даже ихтиозавр, уже что-то, теперь же, чувствуя под собой твердую почву, надо...

Я сосредоточился, закрыл глаза, на этот раз все идет ужасающе медленно, по телу пробегают болезненные судороги, в черепе долбится страх, что вот и сейчас не получится, снова не получится...

Когда я совсем изнемог и открыл глаза, я все так же сижу на валуне, обхватив его всеми четырьмя, хвост покачивают набегающие волны. И никаких изменений.

Отдышавшись, я попытался превратиться в дракона поменьше, долго пыхтел и тужился, расслаблялся и вчувствовался, потом пытался усилием воли, но уже с ненавистью обнаруживал себя в теле мокрой, вздрагивающей на холодном ветру морской рептилии.

И когда уже совсем отчаялся и готовился вернуться, что-то сдвинулось, пошло, я усилил натиск, сердце колотится бешено, я ощутил, что настолько страстно стремлюсь превратиться хотя бы в самого захудалого летуна, как будто от это-

го зависит не только моя жизнь, но и всей вселенной.

Горло хрипит, сердце уже не колотится, а лежит, распластанное, высунув язык и едва дышит, перед глазами плывет и двоится, изображение странное, никак не соберу в фокус, но все-таки я сумел преодолеть чужую магию... или просто сумел обойтись своими силами...

...и я уже не тюлень с лапами, не ихтиозавр, а птеродактиль, что трусливо отодвигается от воды, костистые лапы скользят по округлым мокрым валунам.

Я взмыл на крыльях после пятиминутного отдыха, все это время приноравливался к изменившемуся зрению: у морских обитателей другой мир, другое преломление света, другие органы чувств. Сейчас мои глаза, как у вальдшнепа, видят все сзади, сверху, с боков и, конечно, впереди, а мертвая зона только прямо под пузом, но совсем крохотная.

Привычные крылья птеродактиля поднимают меня медленно и осторожно, я с замиранием сердца все ждал либо выстрелов, либо разряда молний, но остров спит, склон уходит вниз...

Остроконечный верх горы оказался крепостью из этого же серого камня. Вписалась она так умело, что можно предположить, что люди просто выдолбили пещеры, а потом кое-где обтесали камни еще и снаружи.

За крепостью целый город, дома расположены хаотично, много старых построек из камня, немало и простых деревянных, множество просто шатров: одни из простого полотна,

другие из шелка, а многие вовсе из шкур.

Мои крылья мнут воздух бесшумно, я уже научился избегать истошного куриного хлопанья, чем отличаются почти все пернатые, начиная от воробьев и заканчивая орлами.

Город ушел вниз, не так уж и велик, если сравнивать с островом, много пригодной для строительства земли. Затем уменьшился и сам остров, зато я увидел вдали за широкой полоской воды еще один. А потом еще...

Я поднимался, на большой высоте прошел уже без панического страха над островом, и чем дальше я уходил от бескрайней океанской глади, тем больше видел островов с большой высоты, больших и малых.

На всякий случай я отыскал взглядом, когда поднялся к звездному небу, две далекие черточки в море, а если поднапрячь зрение, можно рассмотреть крохотные паруса...

«Богиня Морей» и «Ужас Глубин», гордые каравеллы, с этой высоты кажется, будто стоят на месте. А там впереди, куда направлены их носы, два небольших острова, плоских, как тарелки, а еще дальше один побольше, с горой посередине... С палубы и даже с клотика еще не видят, а я отсюда не крикну. Впрочем, скоро увидят сами.

Только бы Ордоньес не вздумал напасть, пока я тут порхаю. Мало какая древняя чертовщина там могла уцелеть. Не случайно же император настойчиво дарит мне не принадлежащие ему острова. Немалая вероятность того, что не только не принадлежащие, но и отстоявшие независимость от все-

го императорского флота. Возможно, так отстоявшие, что от всех эскадр остались щепки. Во всяком случае, император теперь науськивает меня, а это настораживает, если сказать очень аккуратно.

За островами выплывали острова, потом еще и еще. К счастью, небо чистое, облака не мешают подниматься выше и озираять, так сказать, но от этого озираяния у меня душа все больше уходит в пятки.

Острова большие и малые, огромные и совсем крохотные – сколько их? Я рискнул чуть снизиться, сердце колотится, как у загнанного воробья, которого пора пристреливать, хоть я еще тот воробей, в черепе стучит ошарашенное: ни фига себе подстава... Неужели император надеется, что я попрусь завоевывать это вот... даже не государство, а конгломерат государств... с двумя, а когдаотремонтируем «Синий Осьминог», с тремя кораблями?

Да нас же в порошок сотрут, едва только войдем в архипелаг и попробуем пробраться между островами вглубь! У нас у всех со словом «остров» всегда ассоциации с чем-то мелким, но когда Вильгельм Завоеватель оставил материк и высадился на остров, он основал там такую империю, что стала владычицей морей!.. И уже сама высаживала на породивший ее материк войска, захватывая там территории... не пояись Жанна д'Арк, завоевали бы там и последний клочок той, породившей их страны...

Впрочем, император не так глуп, чтобы решить, что вот

так слепо ринусь захватывать острова. Возможно, он просто старается понять мои мотивы и то, насколько я намерен принимать его власть. Он же понимает прекрасно, что реальной власти надо мной не имеет, но если увижу выгоду от сотрудничества с ним, формально подчиняясь, то начну делать какие-то шаги, чтобы продемонстрировать это вот...

Я вздрогнул, прямо из воздуха передо мной прозвучал медленный голос:

– Кто бы ты ни был... остановись...

И хотя я несся быстро, голос не остался позади, а продолжал звучать, словно незримо летит передо мной. Я перестал колотить крыльями, растопырился и шел в парящем полете с минуту, прежде чем собрался с разбежавшимися мыслями.

– Да-да... уже встал, как... ты кто?

– Охраняющий, – ответил Голос. – Страж.

– Уже остановился, – повторил я, сердце застучало чаще и тревожнее. – Уже не лечу... Я всего лишь гость. У меня нет враждебных...

Голос прозвучал с той же дистанции:

– Нельзя.

– А уже бывали, – спросил я, – глупцы, что не слушались?

– Ответ утвердительный.

– И что с ними?

– Все были отмечены.

– Ага, – сказал я, – сурьезные вы люди. Хорошо, поворачиваю обратно! Можно махать передними конечностями?

– Можно, – ответил Голос с той же интонацией.

– А с какой частотой?

– Еще гард, – произнес Голос бесстрастно, но мое воображение дорисовало угрожающую нотку в могучем тембре, – и...

– Начинаю маневр, – перебил я громко и заложил широкий вираж, стараясь напоследок увидеть как можно больше и дальше, – и ухожу, ухожу... Ты давно на страже?

– Ответ утвердительный, – ответил Голос.

Я сделал очень широкий полукруг, чувствуя всей шкурой, что слишком близко подошел к грани, после которой стану отмеченным, знать бы, что это означает, но вряд ли дадут пряник, всмотрелся в горизонт, там поднимаются вершины очень большого острова с белоснежными башнями невиданного города, и шумно пошел обратно.

Сердце все еще стучит тревожно и укоряет, что зря рисковал, непонятно же, с какой силой столкнулся, а отмеченность может означать то, что на мне поставят незримую метку, которая позволяет всем убивать меня, а то еще и получить награду.

– Скажи, – спросил я, – что ты охраняешь?

В ответ донеслись только далекие крики чаек, а также шум далеких волн, то и другое на уровне неслышимости простому двуногому.

Обратно я несся по прямой и весьма быстро, а когда увидел замершие в ночи «Богиню Морей» и «Ужас Глубин»,

сперва сделал круг, уточняя, где вахтенный, затем зашел с другой стороны и понесся к кораблю, почти задевая пузом волны.

У самого борта осторожно пошел вверх, уцепился коггистыми лапами за деревянный край и высунул голову. На палубе никого, передо мной тень, я перевалился на ту сторону, там поспешно перетек в человеческую личину и некоторое время лежал на спине, приходя в себя.

Над головой топают, орут, мой короткий сон слетел, как сдернутое грубой рукой одеяло. Я вскочил, быстро оделся и опоясался мечом, выскочил наверх.

Матросы, окуная швабры в лохань с водой, лениво дряют палубу, а чтоб не совсем уж заскучать, тычут ими друг другу в морды и хохочут, как в раю, только там могли быть такие простые шуточки. Я подобных насмотрелся еще в прошлой жизни, потому просто пошел мимо, не обращая внимания.

За спинами раздался зычный хохот. Это в самом конце, когда палуба уже блестит, отражая солнце, матрос взял бадью и, вместо того чтобы выплеснуть грязную воду за борт, с размаха окатил ею опешившего соратника.

Тот сперва раскрыл рот для вопля, потом и сам захохотал, оценив ах какую остроумную шутку.

С капитанского мостика Ордоньес распорядился:

– Сэр Юрген, готовьтесь поднять якорь... Доброе утро, ваша светлость!

– Есть, сэр, – ответил Юрген.

Он побежал вниз с диким криком:

– К подъему якоря товсь!

Я поднялся на мостик, но не успел спросить Ордоньеса, как ему спалось, и спалось ли вообще, как из «вороньего гнезда» донесся вопль:

– Капитан, прямо по курсу берег!

– Хорошо, – проговорил Ордоньес, – поднять паруса!.. Мудрые мы, ваша светлость?.. Если бы прошли еще чуть в темноте, могли бы сесть задницами на рифы.

– Там нет рифов, – заметил я.

– Откуда такая уверенность?

– Чутье, – ответил я скромно.

Юрген прокричал:

– Все наверх! Поднять паруса!

Пронзительно засвистела то ли дудка, то ли свисток, по палубе застучали подошвы, матросы бежали к мачтам и карабкались по веревочным лестницам наверх, как юркие обезьяны.

Со стороны носа корабля донеслись крики, примчался плотник Мишель, глаза, как блюдца, щеки трясутся, на лице ужас.

– Адмирал, – прокричал он, но с надеждой смотрел на меня, – богиня... Богиня!..

– Что с ней? – спросил Ордоньес и повернулся к носу корабля. Там укреплена гигантская статуя, искусно вырезанная

из дерева, некая покровительница морей, хотя на самом деле ими заведует Посейдон, именуемый также Нептуном, размер ее около трех ярдов, когда буду строить корабли, на этих излишествах что-то да сэкономлю. – Отломилась?

– Если бы!

– А что?

– Сами увидите!

Я поспешно сбежал с мостика. Огромная статуя выглядит странно, словно устыдилась наконец-то наготы и решила прикрыться зелеными веточками. Они торчат отовсюду, хотя по большей части из щелей, куда могло занести ветром землю...

...но все же я не настолько готов подгонять факты, чтобы поверить, что за ночь может пустить не только корни, но и выбросить наружу ветви.

Подбежали еще матросы, у всех лица белые, Ордоньес вообще то и дело хватается за рукоять меча и тут же отпускает, в глазах страх, беспомощно оглянулся на меня.

Я прижал на время дрожь, сюзерен не должен выказывать страха, сказал бодрым голосом:

– Всего лишь веточки!.. Эх, если бы цветы... уж молчу про ягоды!

Народ еще не пошел в пляс, но страх уже не накатывает нарастающими волнами, матросы смотрят на меня с надеждой.

Ордоньес прокашлялся и спросил почти нормальным го-

лосом:

– Сэр Ричард, вас не пугает это предзнаменование?

Я заколебался с ответом, был соблазн истолковать как благоприятное, уж я-то сумею, но несвойственная мне честность вылезла впереди меня и брякнула со всей дури:

– Для христианина не может быть предзнаменований! Вы христиане или нет?

Ордоньес кивнул, а моряки пробормотал один за другим:

– Да, конечно...

– Христиане...

– Ну да, а как же...

– Вот даже перекреститься могу...

Только Мишель осмелился заметить:

– Сэр Ричард, когда чайки летают над самыми волнами, это предзнаменование бури. Если солнце красно к вечеру – моряку бояться нечего, если солнце красно поутру – моряку не по нутру... Эти предзнаменования всегда сбываются!

– Это не предзнаменования, – пояснил я, – а приметы. Ты еще скажи, что если я вот выпущу из руки этот нож, то упадет на палубу, такое вот предзнаменование...

Моряки захохотали, Мишель сконфуженно покрутил головой.

– Ну ладно, если вдруг зазеленевшая статуя вас не пугает...

– Ничуть, – сказал я приподнятым голосом, – а как же иначе? Ах, раньше не расцветала? Ну так раньше на корабле

было маловато настоящих мужчин! А при нас даже деревянные женщины оживают.

Над головой снова звучно захлопали полотнища парусов, их то поднимают, то начинают подворачивать, как мне кажется, ничего, со временем разберусь, что и зачем.

Утреннее солнце светит ярко и уже обжигает лицо. Зазеленевшую статую оставили в покое, дел не впрокорот, берег слишком близко, при его виде всегда лихорадочное возбуждение.

Ордоньес сказал довольно:

– Полоска берега довольно широкая...

– Это не материк, – сказал я.

Он усмехнулся:

– Уверены?

– На все сто, – ответил я. – Могу поспорить, остров вообще-то невелик.

– Спорить побоюсь, – сообщил Ордоньес. – Вам сам дьявол шнурки завязывает. А откуда сведения?

– Приснилось, – ответил я. – Сегодня нарисую карту. Этих островов, как семечек в огурце.

«Богиня Морей» двигается красиво и гордо в сторону острова, «Ужас Глубин» теперь идет послушно в кильватере, но берег не просто обрывистый, а сплошная стена из камня, отголосок катаклизмов, некогда ломавших земную кору.

Корабль по команде Ордоньеса красиво скорректировал курс и пошел вдоль этого блестящего, как шкура морского

котика, отвесного берега.

Я все надеялся увидеть город, что открылся ночью с высоты, но матросы закричали и начали тыкать пальцами в берег. Кто-то очень потрудился, затратив годы адского труда множества людей, чтобы на отвесной стене, уходящей основанием в воду, высечь огромное выпуклое лицо ужасающего демона.

Все смотрели с содроганием, Юрген шумно вздрогнул всем телом. Я видел побледневшие лица, слышал их учащенное дыхание, а на лбу Мишеля собрались крупные капли мутного пота.

– Хороший знак! – сказал я жизнерадостно.

Юрген воскликнул с упреком:

– Ваша светлость!

– Очень хороший, – сказал я. – Такое могут делать только те, кто страшится нападения.

– Откуда видно?

– Они хотят, – объяснил я, – чтобы их боялись и проплывали мимо, не приставая к берегу. Это мимикрия, есть такой военно-полевой термин высокой стратегии. Это когда безобидные мухи прикидываются ядовитыми пчелами или мирные ящерицы – змеями, полными яда.

На меня смотрели с надеждой, я широко и картинно улыбался, хотя самому страшно, но правитель должен внушать, и я внушал, и неважно, что эта морда внушает безотчетный страх и мне, уже привыкшему к своей толстокожести, к мест-

ной магии.

Какая, к черту, магия, мелькнула мысль. Этот талант скульптора засадил мне под самое сердце, как острый кинжал, безотчетный страх. Никакая магия не сумела бы сделать того, что способен делать с людьми талант. И сейчас мы смотрим с благоговейным страхом потому, что так изволил восхотеть неведомый нам зодчий.

Морда демона осталась позади, но он все так же провожал нас таким ненавидящим взглядом, что я чувствовал холод в груди. И хотя это всего лишь талант художника: достаточно расположить зрачок посредине, чтобы с какой бы стороны ни подходил, все равно будет казаться, что лицо наблюдает за тобой, но одно дело понимать...

Кто-то из матросов снова вскрикнул, дальше на стене еще одна морда, еще страшнее, потом пошла сцена битвы гигантов, а завершал ужасающую картину исполин с картинной мускулатурой, и такой огромный, что щиколотки в воде, а голова достигает верха стены.

Мишель вдруг вскрикнул дурным голосом:

– Милорд!..

Я посмотрел на него, потом на исполина.

– Что?..

Великан не просто следит за нами злобным взглядом, а повернул голову в нашу сторону!

Ордоньес вскрикнул в восторге:

– Вот это работа!

– Да уж, – пробормотал я. – Мурашки по коже...

Глава 4

Гигант шелохнулся с трудом, словно разминая застывшее за века каменное тело, шагнул в море. За спиной обильно посыпалась каменная крошка, я так и не понял, стоял он в нише или же был красиво вырезан в камне, а сейчас вдруг решил освободиться от оков.

Мертвое каменное лицо с пустыми глазами все так же обращено в нашу сторону, я смотрел на него с дрожью во всем теле и слабостью в коленках.

Ордоньес прошептал:

– Будь я проклят... он нас видит...

– Или чувствует.

– Видит, – возразил он. – Ишь, как охотничий пес...

Гигант сделал шаг вперед, покачнулся, но тут же выровнялся, шагнул снова, уже увереннее. Пустые глаза смотрят в нашу сторону неотрывно, в движениях появилась пугающая целеустремленность.

Ордоньес среагировал первым.

– Поднять все паруса! – заорал он диким голосом. – Быстрее, быстрее!

По кораблю прокатилось:

– Все наверх!

– Поднять паруса!

– Левый галс!

Матросы ринулись на мачты со скоростью муравьев, убегающих от пожара. Захлопали паруса, но корабль все еще идет прежним курсом, а гигант двинулся в нашу сторону, голова на уровне верхушки мачты.

– Быстрее, быстрее!

– Эта тварь уже близко!

Я ощутил, как корабль неуловимо поменял курс, самую малость, но уже не ползет вдоль берега на полуспущенных парусах, а чуть отвернул и начинает с нарастающей скоростью уходить в океан.

Гигант пошел быстрее, напористее, пена взбивается у ног, дно понижается медленно, он отошел от берега на сотню ярдов, а вода поднялась лишь до колен.

Матросы остались сидеть на реях, экономя секунды, вдруг придется что-то делать с парусами, каждый миг дорог, а эта ожившая скала шумно прет через море, все быстрее и быстрее, каждый кулак крупнее стоведерной бочки...

Ордоньес посмотрел на паруса, но лишь стиснул челюсти, корабль и так скрипит и накренился, врезаясь острым носом в воду, идет по морю, как мощный плуг, который тянет четверка сильных коней.

Двое из матросов ухватили арбалеты и, не дожидаясь команды, выпустили болты в лицо каменного колосса. Я увидел только искорки, когда стальные жала бесцельно ударили в гранит.

Гигант шел мощно и быстро, в движениях – пугающая це-

леустремленность, вода медленно поднимается, уже до середины бедер, начинает замедлять движения, а корабль, напротив, ускоряется...

Ордоньес прокричал:

– Держитесь!

Матросы ухватились за ванты, а кто оставался на палубе, уцепились за любые деревянные переборки. Гигант настиг корабль, над бортом поднялись огромная гранитная голова и плечи, одного удара таким кулаком хватит, чтобы перебить каравеллу пополам...

Я подбежал к борту и, глядя в его огромные пустые глаза, прокричал дико:

– Стой, морда! Куда прешь?.. Сюда нельзя!

Голем замер с поднятым кулаком. В огромной фигуре, зашлывшей весь мир, мне почудилось что-то вроде замешательства.

– Возвращайся! – заорал я еще громче. – Кто остров сторожить будет? Ну?

Голем медленно повернулся и начал уходить обратно. Я испытал невероятное облегчение, чуть в бессилии не опустился на палубу, но эрцгерцог не может себе позволить такого простолюдинного жеста, спина затрещала от усилий, когда я гордо выпрямился и огляделся орлом.

На палубе матросы ликующе орали мне хвалу, Ордоньес сказал с блестящими глазами:

– Милорд! Вы совершили чудо!

– Ага, – ответил я сердито, – тем, что сделал красивый, хотя и бесполезный жест? На самом деле он дошел до границы охраняемой территории и сам должен был вернуться... Это вы спасли корабль, граф, вовремя подняв все паруса.

Он хитро усмехнулся:

– Милорд, пусть народ верит, что чудо совершили вы. Да и все мы жаждем чудес, такова наша натура.

– Увы...

– Будете разуверять, – сказал он авторитетно, – не поверят. Одни решат, что из скромности, другие – что не хотите совершать чудеса бесплатно.

– Гм, я такой...

– Люди, – пояснил он, – верят в то, во что хотят верить, а не в то, что есть на самом деле.

Мачта поскрипывает, весь корпус корабля кряхтит, как старик перед внуками. Я проводил взглядом удаляющуюся фигуру гранитного чудовища.

– Хорошо, не обучили метать камни!

– Дурак, – сказал Ордоньес. – Наверное.

– Вы правы, – сказал я, – камнями начали бросаться умные, чтобы дураков побивать издали. А раз мы умные, то в первую очередь оснастим свою эскадру метательным оружием.

– О будущем думаете?

– Какое будущее? – изумился я. – Корабли уже строят!.. Не буду мешать вам, адмирал. Пойду рисовать карту, что мне

приснилась.

Он скептически хмыкнул мне вслед.

Я велел принести бумагу и письменные принадлежности. Стюарды мечутся, тихие, как мыши, вид у лорда что-то очень уж озабоченный, как бы не было беды.

Насколько помню школьные уроки, только в Индонезии семнадцать тысяч островов, хотя официально признаны только тринадцать тысяч шестьсот шестьдесят семь... во, у меня память! Как у стада слонов. Даже в крохотной Норвегии их сто пятьдесят тысяч, островов, а не слонов, в Греции больше двух тысяч, хотя сами греки хвастливо называют цифру в шесть тысяч, да что там Греция, если в крохотной Хорватии их несколько сотен!

Про серьезные моря и, тем более, океаны, и говорить нечего, там их не десятки, а сотни тысяч. Плюс ко всему именно на островах изоляция приводила к неожиданным вывертам эволюции... так что именно здесь может подстеречь то, чего я постарался бы избежать.

Незримый Страж, силу которого я не хочу пробовать и даже думать о таком, предупредил, чтобы я дальше не совался, там нечто особо охраняемое, а где охраняют особенно тщательно, там может оказаться основной массив самых лакомых островов. И не может, а наверняка окажется.

Я старательно вел пером по бумаге, время от времени обмакивая в чернильницу, островов многовато, но память цеп-

ко держит все изгибы берегов, расстояние между соседними, точные пропорции, рельеф, линии...

Бумаги не хватило, я торопливо схватил другой лист. Ордоньес вошел на цыпочках, я услышал жаркое дыхание за спиной, перестал рисовать и сделал вид, что веду острым кончиком пера по водной глади между двумя островами, измеряя расстояние.

Он некоторое время сопел сзади, затем я услышал его несколько потрясенный голос:

– Это их столько?.. Ничего себе!

– Еще не все, – заверил я.

– Господи, – сказал он, – их в самом деле как семечек в огурце!.. Откуда у вас такая подробная карта?

– А что, в мой вещий сон не верите?

– Верю, – ответил он, – но чтоб с такими подробностями... гм...

– Тогда император прислал, – сказал я. – Как эрцгерцогу этих самых островов.

– Эрц... – проговорил он, – эрц... чего?

– Эрцгерцогу, – повторил я. – То есть я уже не герцог, а так... нечто повыше. Чуть-чуть. Ну сколько, я спрашиваю, можно герцогом быть? Засиделся, образно говоря, весьма зело. И даже обло не лепо ли не бяше. Но, конечно, ниже... гм... всяких там, так что можете не снимать шляпу... Эта вот часть, что известна императору, а вот туда дальше... гм... либо не заплывали его brave капитаны...

– ...либо еще более brave им обломали рога, – сказал он угрюмо.

– Во что верите больше?

– Да, – согласился он. – Императоры они такие... загребушие. Значит, там им сумели дать по сопатке. Думаю, не стоит получать и нам. Я как-то больше люблю других сопатить. Все-таки у императора и флот побольше, и людей не жалко, их, как муравьев на дохлой жабе...

– Значит, – сказал я, – вот на этой стороне карты оставим пятно и напомним: «Здесь могут водиться драконы».

Он нахмурился, нехотя кивнул.

– Мы с Юга шли через океан намного западнее. И попали к берегам Сен-Мари миль за пятьсот отсюда по береговой линии. Острова по дороге попадались, но гораздо мельче. В основном необитаемые. Да мы и сами благоразумно не покидали кораблей, за исключением группы матросов, которых отправлял за питьевой водой.

– И за дичью, – добавил я.

– И за дичью, – согласился Ордоньес. – На рыбу уже смотреть не могли.

– Благоразумно, – похвалил я. – Вашей целью было пересечь океан и достичь моих владений на этом берегу. Нарываться на подвиги будем позже.

– Нарываться? – переспросил Ордоньес, он поднял брови, услышав новое слово. – Это что-то особое?

– Еще как особое, – заверил я. – Даже особенное. Кстати,

ближайший из отмеченных на карте островов прямо по курсу, если я правильно нарисовал. Он похож на гору, что торчит прямо из моря. На лодке можно причалить лишь в одном месте, а так везде отвесные скалы. Да и то очень осторожно, наверняка подводные камни могут повредить днище...

После обеда налетел короткий злой шторм, корабль поднимало на волны к небесам и швыряло в бездонные глубины. У меня всякий раз замирало сердце, словно в невесомости падаю с высокой скалы, затем шторм так же внезапно ушел, даже не ушел, а исчез прямо на месте, словно рассыпался.

Примчался вахтенный с докладом, что, дескать, повреждений нет, если не считать того-то и того-то, неплохо бы подправить.

Ордоньес нахмурился, взгляд его уперся в остров, мимо которого корабль проползает медленно и аккуратно на полуспущенных парусах.

– Похоже, – произнес он мрачно, – там хороший строевой лес. Надо взять пару стволов, этого хватит.

Матрос умчался, я спросил с удивлением:

– Это такая короткая буря потрепала так сильно?

Он покачал головой.

– Нет, потрепал переход через океан. На обратный переход сил не хватило бы и нашим двум кораблям, но для каботажного плавания вдоль берега мы еще можем некоторое время... Вот и перевозили рыцарей из Вестготии. А этот

шторм повредил то, что уже и так требовало ремонта.

– Да, – сказал я с чувством, – понимаю. Раньше полагал, что моряки в море только и делают, что лежат на палубе под солнышком или проигрывают штаны друг другу в кости.

Он ухмыльнулся.

– Многие так думают.

На палубе был стук ног, крики, шлюпку опустили на воду. Помимо гребцов, вооруженных топорами и пилами, по веревочной лестнице слезли и двое плотников.

Я кивнул Ордоньесу.

– Дорогой адмирал, скоро увидимся!

Он крикнул вдогонку:

– Вы... тоже?

– А как же, – ответил я.

Он сказал с досадой:

– И чего я спрашивал?

Я сбегал на палубу и взялся за веревочную лестницу, но дорогу загородил Юрген.

– Что тебе? – спросил я с удивлением.

Он заметил мрачно:

– Вообще-то не по рангу вашей светлости лично высаживаться на берег. Это умаление его достоинства.

– Так я же не цветочки нюхать иду!

– Тем более, – возразил он. – Вы – главный, а на берегу может быть всякое...

– Что?

– Не знаю. Чужой берег. Совсем чужой. Разве не чувствуете?

Я пожал плечами.

– Чувствую. Но что делать, я больше других готов ко всякому. Если что случится... у других шансов вернуться еще меньше.

Он проворчал:

– Ваша светлость, нас много, вы – один... такой. Вас надо беречь. Если с вами что случится, нам всем придется несладко.

Голос его был грубый, смотрит раздраженно и сердито, но что-то отечески заботливое я вдруг увидел и ощутил в его огромной взъерошенной фигуре.

– Мы все вернемся, – заверил я тепло. – По возможности, целыми.

Меня ждали в качающейся лодке, Мишель оттолкнулся веслом от корпуса корабля, все выждали пару секунд и разом, как одна гигантская сороконожка, опустили длинные лапы весел.

Лодка укоряющимися рывками начала отдаляться от корабля, весла врезаются в воду красиво и почти одновременно.

– Гребите дружнее! – прокричал Юрген. – Это какой у нас остров в океане по счету?

Мишель ответил угрюмо:

– Я умею считать только до десяти...

– А я до трех, – ответил ему в тон один из матросов.

– А я вообще не умею, – сказал Юрген и добавил хвастливо: – Мой козырь выше!

Весла равномерно врезаются в воду, лодка двигается сильными толчками, но не успевает ослабеть инерция первого, как новый рывок, еще и еще, далекий отсюда берег начинает наконец-то приближаться, вырастать в размерах.

Берег с этой стороны высок и круг, настоящая гора поднялась из воды отвесной стеной, но в ней щель, прогрызенная то ли ручьем за сотни лет, то ли чем-то еще, во всяком случае, можно и лодку вставить на мелкие камешки, а нам пробраться к тем местам, где с палубы корабля так хорошо смотрелся корабельный лес.

Ближе к берегу взмахи весел участились, затем Юрген привычно прокричал:

– Суши весла!

Лодка с разгону въехала на крупнозернистый песок, проскрипела днищем. Юрген выскочил первым и, удерживая за нос, ждал, пока все выберутся, потом совместными усилиями вытащили выше на берег.

– Мишель, – распорядился он, – и ты, Стив, останетесь у лодки. Если что, поднимайте крик!

– Это они умеют, – сказал кто-то с иронией.

Все посмеивались, я мазнул взглядом по лицам остающихся, стараясь не акцентировать на этом внимания, Юрген все-таки знает людей, мне эти двое тоже показались наиме-

нее отчаянными и наиболее осторожными. Как раз таких и нужно оставлять на страже.

Щель пропустила охотно, но дальше пришлось карабкаться круто в гору, даже я запыхался, не говоря уже о грузном Юргене, но остальные матросы, худощавые и прожаренные солнцем так, что не осталось ни капли жирка, шли наверх быстро и не оглядываясь.

Лес маячит далековато, нас от него отделяет усеянная остроугольными глыбами поверхность каменной плиты, но выглядит лес в самом деле как на подбор. Даже отсюда видно, что стволы высокие и стройные: хоть на корабельные мачты, хоть на укрепление корпуса, отборные деревья.

Пока мы стояли, упершись руками в колени и шумно отсапывались, Юрген сказал хрипло:

– Можно... даже не спускать... а скидывать...

– Не разобьются?

– Слева от щели, – сказал он с тяжелым дыханием, – сразу глубоко. Нужно сбрасывать только оттуда...

Матросы дышали шумно и сипло, двое из них, Джон и Яков, держались ко мне поближе, выполняя роль телохранителей.

– Я тоже заметил, – ответил Яков, он дышал шумно и хрипло. – Только держать внизу людей, чтобы вылавливали...

– Зато тащить по воде будет легче, – сказал Мишель. – Правда, потом придется подсушивать...

– Сушить придется все равно, – заметил Юрген угрюмо. – На берегу или на палубе, какая разница?

– Пойдемте, – сказал Джон бодро, – осмотрим. А то вдруг их червяки прогрызли сверху донизу, а мы из них уже и мачты поставили, и плывем, плывем...

Юрген хмыкнул, но смолчал, сберегая дыхание, и первым двинулся за этим живчиком следом.

Глава 5

Поверхность острова неспешно понижается, зато деревья медленно и торжественно, прекрасно понимая свою величавость, пошли навстречу.

Мы вступили в кружевную прохладу рощи, как в храм, где сладостная тень, смолистый запах, и до чего же прекрасные стволы, идеально ровные, дерево плотное, ветви только на самой верхушке, которую сразу же обрубят еще до транспортировки...

Юрген не останавливался, мы шли следом, как всегда идем за тем, кто знает дорогу или считает, что знает. Деревья молчаливо отступали за наши спины, пока впереди не блеснул свет, а между ровными стволами заблестало море.

– Ого, – сказал Яков, – похоже, с этой стороны переправлять удобнее...

Остальные молчали, прикидывая «за» и «против», с обрыва вроде бы проще, однако какая-то часть стволов повредится, ударяясь комлями или вершинками о каменистое дно, все-таки там не километровая глубина. Может оказаться, что снова придется взбираться наверх и рубить снова и снова...

– Да, – пробормотал Юрген, – с этой стороны берег лучше...

– Послать людей, – спросил Яков, – чтобы корабли перегнали на эту сторону?

– Не спешите, – посоветовал я, – сперва нужно посмотреть...

Они не поняли, чего я вдруг умолк и начал всматриваться в светлое пятнышко на горизонте, что через несколько минут превратилось в парус, достаточно большой парус.

Юрген проследил за моим взглядом, глаза его расширились.

– Ваша светлость! – вскрикнул он без необходимости. – Корабль справа на горизонте!

Вскоре уже все видели достаточно четко на фоне серого неба силуэт одномачтового корабля. С поднятым парусом он двигался, судя по заостренному носу, направляясь прямо к нам, к этому острову.

Юрген быстро обернулся, смерил взглядом высоту горы, с которой спустились.

– Наши корабли они не заметили, – заверил он. – Гора слишком высокая...

– Загораживает, – тяжеловесно согласился Яков. – Только бы оставались на месте...

– Останутся, – заверил Юрген. – Мы с Ордоньесом столько вместе прошли! Иногда я только открою рот, а он уже говорит то, что я придумал.

Я продолжал всматриваться в приближающийся корабль. Настоящий когг, судя по очертаниям корпуса, борта высокие, палуба, одна мачта. По длине не больше тридцати ярдов, команды там не может быть много. А судя по тому, что

курс прямо на остров, то часть команды высадят на берег... за деревом, как мы, или за пресной водой, что скорее всего.

Во всяком случае, на корабле народу останется еще меньше... Я тряхнул головой, отгоняя всякие многоходовые планы, потому что Юрген возбужденно зашептал:

– Готовятся спустить лодку!

– Отступить, – приказал я, – укрыться. И чтоб даже уши не торчали!

Когг еще двигался к острову, но на палубе возле единственной шлюпки началась возня. Ее отвязывали, вытаскивали из-под нее клинья, что не дают раскачиваться, подцепляли заново на другие канаты, а тем временем когг приспустил парус, замедлил ход и, повернувшись боком, остановился, слегка покачиваемый волнами.

Видно было, как с плеском обрушился в воду якорь, а чуть позже лодка перестала опускаться, упершись в поверхность моря. Яков насчитал восемь гребцов, один сидит на носу и покрикивает, еще двое удерживают раскатывающиеся по дну бочонки.

– Как и у нас, – сказал Юрген.

– Не такие уж мы и разные, – заметил Яков философски.

– Разве это не повод воевать? – спросил Джон.

– Конечно повод! – ответил Юрген уверенно. – Для войны все – повод...

Лодка от когга идет с веселым напором, весла загребают воду в такт, и хотя я вижу только спины, даже по ним за-

метно, что люди крепкие, закаленные суровой жизнью, жилистые и загорелые. Рукава лихо закачены по самые плечи, головы повязаны зелеными тряпками. В унисон с плеском доносится голос вожака, отсчитывающего такт.

Мы осторожно выглядывали из-за камней, я видел по лицу Юргена, как он уже выбирает себе для схватки то одного, то другого. Его люди тоже всматриваются так, как смотрят волки на приближающихся беспечных ягнят.

– Тихо, – предупредил я. – Они идут к ручью. Мы – тоже, только поверху.

Лодку разогнали последними мощными гребками, она не выползла на берег, а почти выпрыгнула. Гребцы, оставив весла, выскакивали сразу на берег, не замочив ног. Там, правда, ухватили ее за нос и борта, вытащили еще малость, чтобы не унесло приливом.

Мы успели к истоку ручья раньше, так как бежали скрытно поверху по прямой, укрылись за камнями и смотрели, как вытаскивают из лодки бочонки, пустые бурдюки, потом длинной растянутой цепочкой тянутся к сверкающему, как чешуя дивной рыбы, ручью.

Появившись из расщелины в скале, крохотный и скромный, он успел в падении выбить в каменном днище небольшой бассейн, а уже откуда бежал извилистой струйкой к морю. Пираты с пустыми бочонками на плечах шли именно к бассейну, удобнее всего набирать там, где воды много, можно даже просто подставить под струю и спокойно ждать, ко-

гда наполнится.

Их настороженность спадала по мере того, как наполнялись бочонки и бурдюки. Шуточки становились громче, некоторые встали на колени и плескали обеими пригоршнями себе в лица.

Юрген медленно поднял арбалет.

– Я сниму их старшего...

Я схватил его за рукав.

– Нет!

Он удивился:

– Почему?

– Потому что нам тогда самим придется наполнять оставшиеся бочонки, – объяснил я.

Он ухмыльнулся.

– Ну и расчетливый же вы, ваша светлость... Я с вами играть в карты не сяду.

Когда наполняли последний бочонок, Юрген приложил арбалет к плечу и начал медленно подниматься.

– Не стрелять, – предупредил я. – Без команды.

– Почему бы их просто не перебить?

– Зачем? – спросил я. – Это же такая мелочь, барон, ты ведь барон?.. Мы должны уничтожать армии, сносить с лица земли города, осмелившиеся не подчиниться нашей воле... а что нам эти восьмеро мышей?

Он ухмыльнулся, а я поднялся во весь рост, пираты все еще нас не замечают, так бы и ушли, хотя стоим так, что они

могли бы ухватить нас за ноги.

– Всем застыть! – велел я страшным голосом. – Кто шелохнется – да будет убит!

Они вскинули головы, я видел, как смертельная бледность покрыла их лица, когда увидели нацеленные в них арбалеты. Наша неподвижность, как почудилось мне, испугала их больше, чем если бы мы орали, гримасничали и размахивали мечами.

– Бросить оружие, – велел я. – И никто из вас не пострадает.

Вряд ли мне поверили, но от арбалетной стрелы на таком расстоянии не уйти, не увернуться, однако они все еще не двигались, наконец первым зашевелился их вожак. Подавая пример, он медленно снял перевязь с мечом.

– И нож, – потребовал я.

Он нехотя отстегнул от пояса нож в роскошном чехле и швырнул на камни. Следом за ним, так же нехотя, сложили оружие и остальные члены его команды.

Юрген проворчал:

– Ну?.. Теперь убивать их как-то нехорошо.

– Лев мышей не давит, – ответил я. – А это даже не мыши, а мышата.

Он взглянул на меня краем глаза.

– А мы тогда кто?

Наши люди соскакивали вниз, первым делом забрали оружие. Я подошел к вожаку, он смотрел с хмурой ненавистью.

– А теперь, – сказал я, – раздевайтесь.

Он вздрогнул.

– За... чем?

– Ну не затем же, – пояснил я, – чтобы убить?.. Вам оставим нашу. Видите, какая красивая? И, главное, новая. Ничего особенного, ребята. Я не кровожадный и вовсе не собираюсь с вами ссориться.

Он смотрел на меня исподлобья.

– Кто вы?..

– Не сосед, верно? – спросил я.

Он кивнул.

– Да, вы издалека. Конечно, я не на всех островах побывал, но все-таки разбираюсь в разных гербах и девизах.

– Раздевайтесь, – поторопил я. – Нижнее белье можно оставить.

Он переспросил:

– Нижнее? А что это?

– Ага, – сказал я довольно, – значит, еще не опасный уровень. Хорошо, хорошо... даже чудненько!

Переодевались с нервными шуточками, разобрали оружие, Юрген покрикивал, распределяя, кому бочонки, кому бурдюки, затем вышли из-за скал на берег и, без надобности наклоняя головы, чтобы нас не могли рассмотреть с когга, как будто с такого расстояния что-то увидят, кроме фигурок, торопливо сели за весла.

— Грести в той же манере, — велел я.

Юрген ухмыльнулся.

— На лодках с веслами у всех манера одна, ваша светлость!

Не заподозрят, голову даю на отрез.

— Держите ее опущенной, — сказал я, — кто оглянется на их корабль, сам того убью. Мы устали с этими бочонками, да тут еще прилив начался, лодку относит обратно, в общем... играйте не просто усталых, а вообще измученных.

— Чтоб не только лестницы сбросили, — продолжил Яков понимающе, — но и помогать взялись...

Лодка все-таки идет хорошо, бодро, в наших интересах, чтобы нас не слишком рассматривали, сам я сижу на носу, тоже спиной к приближающемуся кораблю.

Когда приблизились к самому борту, Юрген бросил наверх веревку, там ухватили и подтянули ближе. Яков и Джон, все еще пряча лица, вцепились в руки помогающих вылезти, дружно дернули.

Несчастные даже вскрикнуть не успели, как полетели в воду. Оба матроса, что привязывали лодку, ни о чем не подозревая, тоже рухнули за борт. Я вспрыгнул вслед за Юргеном и Мишелем, сразу же ринулся на капитанский мостик.

За спиной вопли, лязг клинков, крики раненых, а я вскочил наверх. Капитан когга, крепкий и широкий в плечах, с яростным воплем бросился на меня со вскинутым мечом. Двигался он быстро и умело, но недостаточно, я выбил из его руки клинок и приставил острие своего меча к горлу.

– Сдавайтесь!

Он прохрипел:

– Я не сдамся кребесам...

– Я не кребес, – заверил я.

– А кто?

– Армландец, – ответил я.

Его глаза расширились.

– С... это откуда?

– Очень издалека, – ответил я и чуть усилил нажим.

– Сдаюсь, – прохрипел он. Тонкая струйка крови потекла во впадинку на груди, по его лицу я видел, понимает, что лезвие моего меча вот-вот перережет яремную жилу, тогда уже ничто не спасет, и он повторил сдавленным голосом: – Сдаюсь... со всем экипажем... Я знал, я знал, что есть еще большие острова!

– Есть, – заверил я. – Очень большие и... с вот такими зубами. Назовитесь, сэр!

– Дэвид, – ответил он. – Дэвид Ганшилд. Капитан корабля «Бесстрашный» из королевства Лоуэлл.

Я оглянулся, короткий бой закончен, вложил клинок в ножны.

– Сэр Дэвид, – сказал я. – Вы мой пленник. Я Ричард, эрцгерцог из... дальних островов. Не пытайтесь освободиться или захватить корабль обратно, тогда мы вас всех убьем.

– А если не будем пытаться?

Я улыбнулся как можно искренне:

– Что ваш кораблик нам не нужен, вы убедитесь, как только увидите наши корабли. Они с той стороны острова... Обещаю, мы вас отпустим. А сейчас отправляйтесь в каюту и будьте там пока под арестом.

Пираты под руководством Юргена и Якова повернули когг, быстро разобравшись с примитивным управлением, а я еще рассматривал с понятным интересом человека, который начал строить собственный флот и кому теперь интересны все типы и все их варианты.

Когг – типичен для его класса, с навесным рулем и прямыми штевнями, сильно скошенными к линии киля. Достаточно широкий, ярдов восемь, на таких можно перевозить до двадцати тонн. Парус хоть один, но не меньше полутора сот квадратных ярдов, а мачта здесь из собранных в единый ствол бревен. Судно не новое, но все еще добротное, ветрами потрепанное, но не расшатанное до той степени, когда нужно стремиться к берегу и становиться на профилактический ремонт.

Юрген подбежал, веселый и с горящими глазами, похожий на довольного ярмарочного медведя, что сбросил цепь и задавил цыгана.

– Курс на «Богиню Морей», ваша светлость?

Я подумал, покачал головой.

– Пока... погодим.

– Ордоньесу сообщить?

– Да, – ответил я, – можешь с подробностями.

Он ухмыльнулся:

– Будет сделано. А что с пленниками?

– Сперва переговоры, – ответил я, – потом решим.

Капитан Дэвид, он же и хозяин судна, добросовестно оставался в каюте, но, когда я вошел, сразу оживился и начал рыскать по сторонам, улавливая малейшую возможность вырваться, всех перебить и сплясать на костях захватчиков.

– Садитесь, капитан Дэвид, – пригласил я вежливо. – Мы не враги... пока что. А кем будем, зависит от вас. Рассказывайте, кто, что, куда и зачем, а также как и за сколько. И почему, конечно.

Он буркнул:

– Слишком много.

– Так это понятно, – объяснил я любезно, – мы прибыли очень издалека, потому такие любознательные, это ясно? Как видите, я раскрываю все карты, хотя вообще-то по статусу должны их раскрыть вы.

Голос мой звучал мягко, но капитан, жук битый, уловил и угрожающую нотку, дескать, я мягок, как видишь, и от тебя зависит, как долго буду мягок, но если что... пеняй на себя.

– Что рассказывать? – спросил он с неприязнью, но уже коллаборационистским тоном. – Здесь всего много.

– Что за острова, – спросил я, – поблизости? Что за народ? Какие вооруженные силы? Чем защищены и как?

Его глаза медленно полезли на лоб.

– Ничего себе, – проговорил он несколько обалдело. – Ви-

дать, вы в самом деле издалека...

– Издалека, – подтвердил я.

– Это остров Жгучий, – сказал он, – а дальше – Каменные Рога, Лесной и Круглоглазый. За ними еще несколько, поменьше... Живут тут кребесы. Сволочи изрядные, пользуются тем, что на оконечности архипелага!.. Установили плату за проход между островами Каменные Рога, малым и большим.

– А обойти? – спросил я.

Он поморщился.

– Можно, если есть лишняя неделя. Да и ветры там такие, что легко снесут на камни... А если между Каменных Рогов, то и дорога прямая, и ураганы не достанут, горы служат щитами.

– Какие там вооруженные силы? – спросил я.

– Полсотни кораблей, – ответил он зло. – Но если бы дело было только в них!

– А в чем?

– На островах Каменных Рогов, – сказал он, – их всего два, как раз по краям прохода установлены самые мощные катапульти. Там так высоко, что с кораблей туда камни не долетят, а они могут пустить на дно разом десяток кораблей. Потому им все платят...

– Катапульти на башнях?

– Если бы!

– А что?

– Высокие скалы. А наверху площадки, как будто нарочно вытесаны... А может, и нарочно когда-то выровняли. Конечно, нет горше муки, чем затаскивать туда катапульты по частям, зато с тех прибрежных скал держат под прицелом весь пролив.

Я подумал, кивнул.

– Хорошо. Отдыхайте. С вами будут хорошо обращаться... в том смысле, что никак. Это уже хорошо, верно?

Он проводил меня злым взглядом, но смолчал.

Шестеро матросов когга сидят, связанные, вдоль борта. Сперва отмалчивались и опускали головы, но как только убедились, что их не отправим за борт, начали переговариваться, отпускать по адресу захвативших мелкие колкости.

Когда когг вышел из-за острова и открылись наши оба корабля, пленные едва сами не повыпадавали за борт, стремясь получше рассмотреть такое невероятное чудо.

Ордоньес то ли соскучился по мне, то ли восхотел осмотреть захваченный таким хитрым способом корабль, но сразу же прибыл на шлюпке, поздравил с победой, осмотрелся с любопытством.

Я отвел его в сторонку и тихонько изложил еще более хитроумный план. Он хмыкал, вскидывал брови, а когда я закончил, тут же стал напрашиваться участвовать.

– Сожалею, – сказал я и ощутил, что в самом деле сожалею, – но адмирал должен пребывать на корабле. Власть

должна быть зрима! Как я ее понимаю.

Он скривился.

– Да знаю, знаю... это и в морском уставе, но с вами всегда и приключения, и добыча...

– Скоро вернемся, – пообещал я, – и... ух! Вместе поменим море и небо местами. И океан тоже.

– Хорошо, – сказал он. – Я в Черри овец не пошел разводить как раз потому, что не созрел для пасторалей. Все еще.

Я взглянул остро, но смолчал, Ордоньес не из простых, у него хоть и очень редко, но прорываются словечки, которых не услышишь от вышедших из простонародья.

Как только он отбыл, а я вернулся в каюту к карте, следом ворвался стюард, без стука, с топотом подкованных железными гвоздиками сапог, пора уже выкидывать таких за борт за несоблюдение некоторых важных церемоний.

– Пленный капитан настаивает, – выкрикнул он, – на разговоре с вами!

– Даже настаивает? – спросил я.

Он торопливо кивнул.

– Да, сэр! Говорит, крайне важное!

– Ваша светлость, – поправил я. – Только для тебя я «ваша светлость», понял?.. И еще... в следующий раз, если ворвешься вот так без стука и разрешения войти, я скормлю тебя рыбам. Запомнил?

Он побледнел, рот распахнулся в испуге, попятился к двери, но там опомнился и проговорил быстро-быстро, словно

рассыпал горох:

– Так как... насчет капитана?

Я сказал раздраженно:

– Можешь привести. Под конвоем. Но предупреди, если ничего важного, обоих за борт. Я вам не боцман, с которым у вас хаханьки, демократы чертовы... Я страшен в эрцгерцожьем гневе!

Дэвид Ганшилд, плененный капитан этой посудинки с гордым наименованием «Бесстрашный», вошел с таким видом, словно это я у него в плену, даже поклонился так, будто отвечает на приветствие мелкого подчиненного.

– Сэр Дэвид, – произнес я с вопросительной интонацией.

Он смотрел исподлобья, я видел, все еще колеблется, может быть, даже засомневался, стоило ли приходить, но когда заговорил, голос его звучал твердо:

– Сэр, я слышал разговоры насчет высадки в порту Каменных Рогов на моем корабле. Должен сказать, это безумие, вас сразу же схватят! Мой «Бесстрашный» там уже бывал не раз, его знают.

Я поинтересовался холодно:

– Вы только это хотели сказать?

– Не только, – ответил он. – Предлагаю пойти вместе. Я как капитан, а вы – моя команда... Погодите, сэр! Не скрою, вы мне очень не нравитесь, захватив мой корабль и тем самым нанеся мне тяжкое оскорбление, но еще больше ненавижу кребесов!.. Так что охотно помогу попасть на остров,

а дальше, как знаете.

Я кивнул.

– И что хотите?

Он взглянул прямо.

– Как понимаю, мой корабль для вас, что собаке муха?..

За свою помощь хотел бы получить эту мошку обратно. Для вас это мелочь, для меня – жизнь. А в виде выкупа обещаю помочь и в ваших делах... на острове.

Глава 6

Я помолчал, рассматривал его испытующе, а он откинул голову и ответил твердым взглядом бывалого и тертого, настолько уверенного в себе, что считает ниже своего достоинства прибегать ко лжи, после которой всегда остается неприятное ощущение, что победил нечестно.

Я покачал головой.

– Да вообще-то никаких дел нет, мы просто прогуливаемся по морю и осматриваем... все, что попадается.

Он ухмыльнулся.

– А вопрос насчет воинских сил возможного противника?

Я ответил с такой же ухмылкой:

– Разве это не самый важный вопрос... из попутных?

– На острове все узнаете, – пообещал он. – Я там бывал везде, товар приходится отыскивать и в таких местах, где его не выставляют на прилавок... если понимаете, о чем я.

– Понимаю, – ответил я, – контрабандисты есть везде. Зато у них намного дешевле. Хорошо, капитан. Предложение в самом деле рискованное, но для вас ничего не стоит только крикнуть на острове, и нас всех повяжут, как вражеских шпионов. Чем поклянетесь, что сдержите слово?

– Чем угодно, – ответил он твердо.

– Хорошо, – сказал я. – Подумаю. Возвращайтесь к своим людям.

Клятвы клятвами, однако важнее то, что он в предательстве никак не заинтересован. Конечно, можно предать нас местным властям и насладиться мщением, но когг так не вернуть, Ордоньес не допустит, да и команда осудит. Наоборот, землю будет рыть копытом, чтобы и кребесам нагадить, и с нами все уладилось. Тогда в сухом остатке у него будет даже некоторая прибыль и чувство удовлетворения, что проклятым противникам здорово навредили, проведя в их тыл опасных шпионов.

Я крикнул зычно:

– Стюард!.. Позвать барона Юргена, Якова, Мишеля, Джона и... кого бы еще... ладно, хватит!..

– Будет сделано, ваша светлость!

Он исчез, я отметил, что на этот раз «ваша светлость», а не короткое «сэр». «Сэр» для тех, кто выказывает уважение и помнит о своем месте, всем остальным нужно напоминать о дистанции, а если вежливое напоминание не дойдет, могу и без вежливости, уже умею.

Юрген и Яков, как первые помощники Ордоньеса, не считая капитана «Ужаса Глубин» Алана, явились быстро, на лицах готовность идти за мной хоть в ад. Я не случайно напоминаю всем время от времени, что они теперь не пираты, а все до одного дворяне, благородные люди, а их командиры – титулованные вельможи.

Они дисциплинированно остановились вдоль стены, я хотел пройти по каюте для важности, но качает, солидность

растеряется, потому просто уперся обеими руками в столешницу, подо мной карта, так выгляжу внушительнее, и сказал уверенным тоном:

– С нами пойдет капитан корабля «Бесстрашный» Дэвид Ганшилд. «Бесстрашный», чтоб вы знали, это вот то, что прыгает под нами на каждой волне. В данном деле он союзник. Я говорю о Ганшилде. Делайте вид, что мы все его команда. Нам важно попасть через порт в сам город.

Юрген поморщился.

– Пленный?.. Вы ему настолько доверяете?

– Здесь не рыцарство, – объяснил я, – а пираты... Потому доверяю ровно настолько, насколько ему выгодно быть с нами. А ему... очень выгодно.

– Почему?

Я ответил холодно:

– Барон Юрген, вы должны подчиняться мне и без расспросов.

Он вытянулся.

– Простите, ваша светлость! Я выполню любое ваше повеление. Без расспросов.

– Хорошо, – сказал я милостиво, – ну, тогда... я пообещал капитану Дэвиду за его сотрудничество вернуть тот крохотный кораблик. Это для нас... хи-хи... шлюпка с парусом, а для него... это все!

Пираты заулыбались, Юрген посветлел лицом, поднес руку к красной тряпке на голове.

– Ваша светлость!.. Счастлив служить под вашим командованием!

– Еще не то скажете, – заверил я, – когда будем возвращаться.

Капитан Ганшилд снова занял место на мостике когга, гордый и набундюченный сверх меры, с ним еще двое из его команды. Больше я взять не позволил, да Ганшилд и не настаивал. Как я понял, он сам не очень доверяет остальным в таких вопросах. Одно дело – перевезти товар с острова на остров, пусть даже те далеко один от другого, и совсем иное – предложить принять участие в грозящем неприятностями деле.

Берег приближался, я поднялся на мостик и сказал вполголоса:

– Перестаньте нервничать... капитан.

Он бросил на меня настороженный взгляд.

– Это вы... не сорвитесь. Все должны видеть, что главный здесь я.

– Так и есть, – сказал я.

– Тогда прочь с мостика, – велел он. – Только капитан имеет право...

Я приложил два пальца к виску.

– Так точно, капитан.

На горизонте появились смутные силуэты, словно размытая акварель, медленно проступили вершины двух гор, стали

зримо четкими, резкими, будто обведенные углем. Море заштилело, когг идет с заметным трудом, ветерок совсем слабенький, мы замедляем ход, однако уже повеяло теплом и плотными ароматами берега, где в складах пенька, выделанные кожи, пряности, зерно...

На причале к нам вышли двое в гражданской одежде, за ними слуга несет письменные принадлежности. Блещущая позолотой чернильница похожа на кадило, украденное из верховного собора. Оба таможенника остановились в величавых позах и ждали, когда корабль пришвартуется.

Я трудился наравне с остальными матросами, закреплял канаты за толстые каменные тумбы, укладывал мостик с борта судна на доски причала, но поглядывал за капитаном.

Дэвид Ганшилд, капитан корабля «Бесстрашный» из королевства Лоуэлл сошел гордо и величественно, однако перед служащими таможни угодливо изогнулся, развел руками в почтительнейшем из поклонов.

– Счастливи снова увидеть красоты великого острова Каменные Рога, – сказал он таким сладким голосом, что будь это на лугу, на него уже слетелись бы все пчелы и прочие насекомые. – Это же так... так...

Один из чиновников равнодушно отмахнулся.

– Ты нам зубы не заговаривай. Что привез?

– Зерно от яллеганов, – сказал Ганшилд с угодливой скороговоркой, – и редкие фрукты из Тегензии. Все свежее, в полной готовности!

– Это мы еще посмотрим, – проворчал чиновник. – Веди, проверю лично!

Ганшилд поклонился, бросил в мою сторону многозначительный взгляд.

– Прошу вас...

Второй таможенник проводил их взглядом, потом повернулся и вперил злой взгляд в меня:

– Что-то я тебя раньше не видел.

Я поклонился точно так же, делал это Ганшилд.

– Старая команда требовала больше денег.

Он хмыкнул с иронией в голосе.

– Да, это мудро, выгнать старую опытную команду и набрать зеленых. Новые хоть что-то умеют?

– Учимся, – ответил я угодливо. – Мы согласны работать просто за харчи, милостивый сэр! Однако добрый господин Дэвид еще и обещает платить.

– Обещает, – проговорил он с иронией. – Ну-ну, ждите...

Его компаньон показался из каюты на когге, помахал рукой и начал спускаться по сходням. За это время вряд ли успел бы осмотреть хоть что-то, да это и не требовалось, как понимаю, а взятку лучше давать без свидетелей.

Тот, что разговаривал со мной, проговорил довольно:

– Можете выгружать.

Ганшилд приблизился с угодливым поклоном.

– Спасибо, спасибо!.. Но мы договорились с местным торговцем, господином Тараклем, что перегружу прямо в его

склад... Ну, вы понимаете...

Таможенник поморщился.

– Ладно, только быстро. И чтобы не высывались за пределы порта!

Ганшилд снова поклонился.

– Да-да, господин, я же помню правила! Да и зачем нам город? Вино в здешних кабаках и веселые девки дешевле и слаще...

Таможенник брезгливо отмахнулся и, кивнув партнеру, ушел деловой походкой.

Ганшилд проводил их взглядом, лицо медленно менялось, а когда заговорил, голос звучал отрывисто и деловито:

– Склад Таракля, это мой старый компаньон, почти у самого выхода. Берем по мешку и...

– А без мешков?

– Еще не ночь, – отрезал он, – мы все как на ладони.

Юрген тяжело вздохнул.

– Ладно, как-нибудь отыграемся...

– И на ком-нибудь, – добавил Яков.

Я нес мешок, как и остальные, Ганшилд на меня поглядывает с беспокойством, но я кивнул успокаивающе, не трусь, в военной хитрости нет унижительность.

– Вы-то город знаете хорошо?

Он помялся, отводя взгляд, но я ждал, он ответил тихо и с неохотой:

– Я капитан, должен в первую очередь заботиться о ко-

манде.

– А-а, – сказал я, – понимаю-понимаю...

Он сказал быстро:

– Сэр, вы не то подумали! Я был в городе однажды, да и то тайком от команды. Никто не хочет рисковать головой просто из любопытства. Здесь на островах все оберегают свои тайны!.. За малейшее нарушение – смерть.

Я спросил с недоверием:

– Что, вот прямо такое тоталитарное государство?.. И никто не бежит?

Он прямо взглянул мне в глаза.

– Как? Все ходы-выходы перекрыты. Увы, контрабандистам здесь не пожить.

– Жаль, – сказал я, – хотя я все равно изволил бы взглянуть лично. Рассказы рассказами...

– Я пойду с вами, – сказал он. – И покажу все, что знаю.

– Но знаете немного?

– «Немного» это больше, чем «ничего», сэр.

– Убедили, – ответил я. – Итак, идем мы с Юргеном...

– Я, – сказал Яков, – обязательно.

Я окинул его взглядом и кивнул.

– Хорошо. Четверо уже многовато, но... ладно. Остальным ждать в порту и быть готовыми к экстренному отплытию. Это значит удирать придется так, будто за нами сам черт гонится с вилами в руках! Возможно, придется.

Мишель кивнул, лицо очень серьезное.

– Есть, ваша светлость.

Солнце наконец закатилось, по обе стороны причала на грязной замусоренной воде покачиваются привязанные лодки, шлюпки, мелкие суденышки, на мачтах зажглись масляные лампы.

Сильнее запахло рогожами, зерном, пряностями, смолистым деревом, тени от угрюмых складов стали гуще и чернее.

– Вот теперь можно, – шепнул Ганшилд. – Идите за мной. Из тени не выбегать.

Юрген довольно крикнул, когда в тесном проеме между двумя складами Ганшилд вытащил из-за пазухи веревку с крюком на конце и ловко швырнул на высокую стену, выбрав самый темный ее участок.

– Я первый, – предупредил он. – Чтоб ни звука! Появиться в городе без пропуска – смертная казнь через повешение. Проникать в город ночью... это еще интереснее.

– Что именно?

Ганшилд сказал любезно:

– Медленная и до-о-олгая смерть на колу.

Юрген прошептал:

– Добрый тут народ, как посмотрю...

– Хотите вернуться на корабль?

– Как можно, – сказал Юрген, – я, можно сказать, всю жизнь мечтал на кол, да все никак не получалось...

– Вернемся, – пообещал Яков шепотом, – я сам тебе...

гм... помогу. Для друга чего только не сделаешь.

Я перебрался вторым, Ганшилд придержал меня, чтобы не грохнул сапожищами в вымощенную камнем землю, прижал к стене. В сторонке протопали тяжелые сапоги целого отряда.

Ганшилд выждал, пока все затихнет, тихонько постучал в стену, с той стороны послышалось шкрябанье, словно по ней быстро взбирались огромные крысы.

Последним перебрался Яков, Ганшилд кивнул и потихоньку заскользил вдоль складов, сараев и каменных зданий непонятного назначения.

– Пока луна за тучами, – шепнул он, – надо как можно дальше от порта! Здесь всегда больше стражи. Вы знаете, почему.

– Догадываемся, – ответил я.

– Там не придется прятаться, – сказал Ганшилд и уточнил поспешно: – Так уж... сильно.

– Сойдем за местных? – спросил Яков.

– Издали, – буркнул Ганшилд. – И если не будете раскрывать рты.

Я шел за ним вторым, справа и слева тянутся громады каменных стен, окна то квадратные, то стрельчатые, а двери такие, что не всяким тараном сразу выбьешь. Еще особенность: в каждой двери по два-три отверстия на уровне груди. Как раз для стрельбы из арбалетов изнутри...

Ганшилд насторожился, отчаянно замахал руками и пер-

вым прыгнул в узкую темную нишу, где когда-то стояла крупная статуя, судя по тому, что мы поместились все четверо, хоть и прижавшись друг к другу.

Мимо протопали стражи, шесть человек, все в добротных, хоть и легких доспехах, а главное – идут в ногу, неслыханное дело, на материке даже королевская стража ходит вразнобой. В руках алебарды, оружие простолюдинов...

– Это не городская стража, – прошептал Юрген.

– Остров с кем-то воюет? – спросил я тихо у Ганшилда.

– Здесь всегда так, – ответил он одними губами. – Тихо!

Еще один отряд протопал через перекресток. Ганшилд подал знак, мы вышли из укрытия, он повел наискось через площадь, но на той стороне, когда снова послышался грохот подкованных сапог, схватил меня грубо за плечо и вдернул в нишу.

– С ума сошли? – прошипел он. – Не слышите? Стражникам нельзя на глаза! Тем более ночью.

– Вы же сказали, – напомнил я, – сойдем за местных!

Он сказал злобно:

– Издали. Потому что здешних знают всех и каждого!... А ночью и местным нельзя.

– Ого! – вырвалось у меня. – Ничего себе экскурсия... Что-то не нравится мне перебегать из подворотни в подворотню и в самом городе...

– А вы чего хотели? Идти красиво и гордо?

– Ну... что-то в этом роде. И чтоб гид лебезил и все по-

казывал.

Шестеро дюжих молодцев в стальных кирасах поверх кожаных жипонов мощно протопали мимо. И хотя за ними никто не наблюдает и не покрикивает, идут в ногу, дружно печатая шаг.

Я проводил их взглядом и наконец-то ощутил, что здесь все намного серьезнее, чем казалось. Комендантский час с наступлением темноты, хотя, по словам Ганшилда, остров ни с кем не воюет, утроенная стража, что постоянно проверяет пустые улицы, какие-то все нерадостные и днем, что-то не слышал песен и плясок, обычно в городах на каждом перекрестке танцоры и фокусники...

Слева потянуло трупным запахом, я повел носом. На центральной площади, как я понимаю, огороженный небольшим каменным бордюрчиком, чуть ниже колена, возвышается целый ряд каких-то странных пугал на длинных кольях.

Донесся слабый стон, я присмотрелся, охнул. Луна выползла из-за туч и осветила с предельной жестокостью два десятка насаженных на колья людей. Большинство мертвых, двое уже начали разлагаться, но один слабо стонет, а когда увидел нас, шепотом попросил добить, прекратить его муки.

Я потянулся за арбалетом, Ганшилд схватил меня за руку.

– Вы с ума сошли!

– Никто не увидит, – ответил я.

– А утром стража, – сказал он резко, – начнет прочесывать кварталы и допытываться, кто осмелился прервать его

муки?.. Мы будем далеко, но стража кого-то да найдет, и для острастки еще кто-то окажется на колу!

Я стиснул челюсти и, стараясь не встречаться взглядом с умирающим, пошел под присмотром Ганшилда. Как всякий интеллигент и демократ, я сразу же отыскал оправдание своему малодушию, дескать, это мог быть отпетый преступник, что убивал и насиловал невинных дев и даже детей, туда ему и дорога, попался, гад...

Юрген и Яков оглядывались на меня, Юрген спросил шепотом:

– Здорово придумали?

– Здорово, – согласился я, – но что-то как-то слишком... Хотя, конечно, идея неплоха, как-то это я до нее сам не додумался? Но такое непотребство только мне можно, я же справедливый... но когда вижу, как это делают другие... нет, это нехорошо, другим нельзя. Хотя, конечно, поляки украинцев тысячами сажали на колья живьем, чтобы те мучились подольше... не преступников даже, а просто пленных... и все-таки это гадко, когда по городу расставлены колья со стонущими и умоляющими добить...

Юрген пробормотал:

– Может быть, только на этом острове такое?

– Может, – согласился я. – Но как в таком месте жить, не представляю...

– А если удрать нельзя? – предположил Яков.

– А как же декларация, – спросил я, – о свободном пере-

мещении людей, капиталов, знаний, информации и всякой терпимости к непотребностям?

– Кое-что соблюдают, – буркнул Юрген и, наткнувшись на мой непонимающий взгляд, пояснил: – Непотребности соблюдают.

Глава 7

Осматривая город, все ближе приближались к той части, где высится высоченный утес, даже не утес, а странная гора, у которой с одной стороны край привычно покатый, а с другой – отвесный, да такой ровный, что даже не знаю...

Ганшилд шепотом объяснил, что там на вершине располагаются убийственные катапульты. Точно такая же гора, как я заметил, всмотревшись, ярко залитая лунным светом, гордо высится вдаль, уже по той стороне пролива. Скорее всего, здесь был обычный остров с высокой горой в центре, как чаще всего, а у подножия зеленые леса, долины и внизу роскошные берега с золотым песком.

Но однажды случилось нечто, что пронеслось по морю, вскипятив воду и разрубив остров пополам так, что одна половинка горы осталась с одной стороны, другая – с другой, а между ними образовался глубокий пролив, где корабли могут идти безбоязненно, не опасаясь сесть на мель или разбиться о подводные камни.

Возможно, это нечто разрубало и другие острова, а морское дно углубило так, что теперь по этому прямому пути можно мчаться на всех парусах, не опасаясь снизу удара в днище со стороны предательских камней...

Островитяне, возможно, не сразу смекнули, что катастрофа принесла им и некоторые преимущества. Но когда сооб-

разили, то, как муравьи, долго и упорно точили гору, вырубая ступеньки и гладкие канавы, по которым встаскивали на самый верх части катапульта.

Наверху тоже пришлось поработать, явно не один год, выравнивая площадки, но теперь позиции в самом деле идеальные.

– Катапульти, – сказал я в задумчивости. – Они хороши перебрасывать камни через стену, но... сверху вниз?

Ганшилд кивнул.

– Вы правы, ваша светлость. Сперва, как говорят, были только катапульти, а потом местные алхимики придумали такой состав, одна капля которого сжигает корабли! Если корабли проходят близко к стене, кувшинчики с такой горючей смолой бросают руками. А если на середине пролива, туда метают катапультами...

– И попадают? – спросил я с недоверием.

Он хмыкнул.

– Когда в ложке десять кувшинчиков, то хоть один, да падет...

– Здорово, – сказал я. – Что-то меня очень даже заинтересовала такая смесь... Почему-то...

– Да, – согласился он, – за нее любые деньги дадут. Но туда не пройти. Та часть города отгорожена добавочной стеной.

– С ума сойти, – сказал я. – А как же люди? Жители?

– Днем ходят куда угодно, – объяснил он, – кроме горы, конечно. А ночью и они сидят дома.

– И что? – спросил я безнадежно. – Никак?

Он пожал плечами.

– Ну... почему же... Смотря сколько у вас денег...

– О, – сказал я обрадованно, – здесь уже демократия? Деньги выше чести? Это хорошо... Держи, этого хватит?

Он покачал головой, глядя на золото.

– Да, хорошо живете... Еще бы, на таких кораблях можно грабить кого угодно...

– Это точно, – согласился я. – Меч порождает власть, как сказал великий кормчий... Рискнем?

Он кивком пригласил следовать за ним, оглянулся, проверяя, следуем ли, я наклоном головы подтвердил, что все так же доверяем и полагаемся, и он уже свободнее пошел через открытое и освещенное пространство к темной стене из грубо отесанного камня.

Из ниши выдвинулся человек в блестящих доспехах и с алебардой в руках. Мы замерли, только Ганшилд продолжал идти, но руки раскинул в стороны в примиряющем жесте и еще показывая, что оружия в них нет.

– Стой!.. – сказал стражник строго. – Пропуск!

– С пропуском все в порядке, – заверил Ганшилд. – От самого короля. Мне с друзьями надо на ту сторону... Ну, я пару раз бывал там, за стеной девки всегда слаще, ты ж меня помнишь...

Стражник ответил резко:

– Нет, не помню! О каком короле речь?

Ганшилд вытащил из кармана две золотые монеты, которые я ему дал. Насколько помню, там вычеканен некий полустертый мужской профиль с орлиным носом.

— Об этом, — сказал он и подал стражнику. — Имя Его Величества, к сожалению, не упомяну...

Стражник попробовал одну монету на зуб, другую, широкая морда расплылась в улыбке.

— Я тоже не помню, — сказал он, — но государь был великий, судя по... гм... мне кажется, он был человек с весом. В общем, пропуск в порядке. С таким пропущу тебя с друзьями куда угодно.

Он отступил и даже отвернулся, а мы тихонько проскользнули за его спиной в неприметную и узкую калитку. Я подумал с облегчением, что в рыцарском мире такое бы не прошло, но здесь уже более высокая степень развития общества, тут все покупается и продается, здесь свобода и гражданские права, так что хитрому да вороватому живется проще, чем честному и соблюдающему какие-то устаревшие этические правила, а они для демократа все устаревшие и все лишние.

От каменной мостовой еще несет чадом горелого бараньего жира, при закрытии лавок его остатки выплескивают прямо на землю, лунный свет блекло высвечивает вывески с указанием, где мастерская шорника, оружейника, а пекарню мы угадываем по ароматному запаху, над каменными заборами возвышаются темные платаны, под ногами рассыпаются кон-

ские каштаны...

...но нигде ни звука, все как вымерло. Юрген оглядывался по сторонам разочарованно, а перехватив мой вопрошающий взгляд, пояснил виновато:

– Я ж по своей невинности поверил этому гаду, что к бабам идем на этой стороне!

Ганшилд буркнул:

– Ваш вождь решил посмотреть не на баб, а на гору, где расположены катапульти. Забыли?

– Так то сэр Ричард, – ответил за друга Якоб. – А мы по простоте и невысокому полету могли бы согласиться и просто на баб.

Юрген все оглядывался, но везде мертво, наконец, звучно поскреб щетину на подбородке.

– Это что же, – проговорил он в недоумении, – все закрыто, и мы так и не подеремся в таверне?

Ганшилд покачал головой.

– Увы. А что, это так важно?

– Необходимо, – поправил Юрген с праведным возмущением, – а не просто важно! Человек не обязан жить, но плавать и драться обязан! Я в каждой таверне кому-то, да бил морду. Это дело чести. У нас не осталось ни одного не дратого мною трактира, ни одной таверны или корчмы, где бы я не... Это уже ритуал! Я спать не смогу, если пройду или проплыву мимо такого места... Это вообще не по-мужски!

Ганшилд сказал с сочувствием:

– Понимаю, сам такой. Но здесь именно такое проклятое место.

Юрген повернулся ко мне.

– Милорд!

Я сказал хмуро:

– Я стратег и гуманист, но что-то и мне восхотелось побить здесь хотя бы посуду. Но посуду на дорогу никто для нас не выставил, мерзавцы... Так что совсем не нравится мне здесь что-то... Так бы и сделал на прощание какую-нибудь пакость. Будто не лорд, а говно какое. Ну лезет из меня всякое...

Юрген хмыкнул:

– И что бы вы сделали, милорд?

– Да вот сжег бы этот город, – сказал я, – как Содом и Гоморру. Или хотя бы те катапульты на горе, чтоб не задавались ими так уж...

Ганшилд сказал безнадежным голосом:

– Эх, если бы это было возможно...

– А почему нет? – спросил я. – Они так хорошо их упрятали повыше, что теперь наверняка охраняют из рук вон плохо. К тому же в эту часть города только по особым пропускам...

Ганшилд снова буркнул с сожалением:

– Это невозможно.

– Островитяне, – сказал я, – многое считали невозможным, пока не прибыли эскадры Колумба, Магеллана и Кука... были в наших краях такие орлы... Что скажете, барон

Юрген? Вы у нас почти Кук!

Тот ответил твердо:

– Милорд, вам виднее. Что скажете, то и сделаю!

– Тогда подойдем ближе, – рассудил я.

Место перед горой ровное, как столешница, и абсолютно пустое. Думаю, городские власти намеренно не разрешают застраивать, дабы никто не приблизился к важному объекту незамеченным ни днем ни ночью.

Пробежать через эту площадь невозможно: с одной стороны то и дело слышится топание и лязг металла проходящей стражи числом в восемь человек, а по ту сторону площади справа и слева от ступеней небольшие караульные помещения, внутри свет, по окну то и дело проходят тени, не спят, гады.

– Ждите здесь, – велел я шепотом, – а я пока посмотрю...

Ганшилд раскрыл рот, явно намереваясь возразить, но Юрген ухватил его огромной пятерней за лицо и выразительно покачал огромной лохматой головой.

Я скользнул дальше по тени, укрылся за углом и торопливо перетек в исчезника. Чувство неуверенности начало пробираться под кожу едва сделал первый шаг к сторону горы, кто знает, что здесь и какая из чертовщины сохранилась, вдруг моя незримость для них такая же, как и для собак, что значит, никакая. Вдруг меня уже заметили, кто-то аккуратно взводит тугую стальную тетиву арбалета и берет дурака, уверенного в невидимости, на прицел...

Я ежился, старался уменьшиться в объеме, стать еще незаметнее, но все-таки пробиравлся ближе и ближе, а когда стена дома кончилась, ринулся через площадь со всех ног, стараясь бежать как можно тише.

Двери караульного помещения приоткрыты, я остановился, переводя дыхание, затем сжал челюсти и ворвался вовнутрь. Их оказалось четверо, но я заранее взвинтил метаболизм, понимая, что меня может спасти только скорость, а они отдыхают спокойно и беспечно, как уже многие месяцы и даже годы...

Лязг металла, приглушенные вскрики, хрип, быстро обрывающиеся стоны, и я с сильно бьющимся сердцем прислонился к стене, внутри все так колотится, что вот-вот разнесет в клочья.

Из той сторожки, что слева от темных ступеней на гору, доносятся веселые голоса, значит, еще ничего не заметили.

Я перебежал, пригибаясь, как петух под дождем, распахнул дверь и прыгнул вовнутрь, еще выставив перед собой длинный узкий клинок. Мелькнуло усатое краснощекое лицо, и тут же изо рта хлынула кровь, второй икнул и завалился навзничь на стол, я отпрыгнул и дико огляделся, прислушался, но сердце колотится так, что слышу только его и свое сиплое дыхание.

На той стороне площади темно и пусто, с улицы вышла группа стражников, прошла по кромке площади и свернула на параллельную. Я выдернул из держака факел и помахал

крест-накрест.

Второй раз подавать знак не пришлось, с той стороны через площадь ринулись, как три огромные крысы, мои орлы с огромными тенями впереди себя.

Я отступил, пропуская вовнутрь, а сам присматривал за площадью. Через некоторое время там появился еще отряд, тоже восьмеро, протопали по кромке и скрылись, обогнув квартал.

– Теперь быстро на лестницу, – велел я. – Держитесь левой стороны!

Они послушно выскользнули, лестница врезана глубоко в гору, лунный свет серебрит правую сторону, левая в тени, моим настороженным ушам шаги кажутся чересчур громкими, хотя понимаю, что до верха еще очень далеко.

Ганшилд прошептал:

– И во второй караульной... тоже?

За меня гордо ответил Юрген:

– Мы пришли из жестокого мира, сэр Дэвид.

– Прекрасно, – сказал тихо Ганшилд, в голосе звучало великое уважение. – Двое здесь, двое там... и никто не крикнул?

– Да хотя бы и десятеро, – сказал Юрген гордо. – Для милорда это раз плюнуть и растереть задней ногой.

– Тихо, – прошипел я. – Я пойду посмотрю, что там и как. Меня не догонять, поняли?

Юрген ответил за всех:

– Я прослежу, милорд!

Ступеньки поднимаются круто, представляю с каким трудом затаскивали части катапульт, сколько канатов порвано, сколько убитых и покалеченных за время подъема, но молодцы, такую стратегически важную точку укрепили, полный контроль над проливом, нечто подобное сооружаю и я в Тарасконе, только у меня нет горы, приходится башни строить самим...

Дыхание уже обжигало горло, когда я услышал где-то на уровне звезд голоса, а когда поднялся еще, различил слова, сказанные лениво и уверенно:

– ...а кто будет жульничать, того будем бить...

– По наглой рыжей морде, – добавил второй.

– Ну вот, – послышался еще голос, звучал обиженно, – при чем тут именно рыжая? А по конопатой не хочешь?

– Моя конопатая постоянно проигрывает, – возразил голос, – как только с твоей рыжей играть сядет!

– Я просто лучше тебя...

– Во всем?

– Ну, в дурости ты, конечно, победишь...

Послышался шум, затем властный голос:

– Тихо!.. Играем или деремся?

Молчание, потом угрюмый голос:

– Играем... все равно потом подеремся...

Ну, мелькнуло у меня, люди не меняются. К счастью для правителей и к несчастью для церкви, что все еще наивно на-

деется с этим дерьмом построить Царство Небесное на грешной земле, что какими-то молитвами или еще чем-то и как-то очистится от грязи.

Я потихоньку начал спускаться вниз, оттуда донеслось тяжелое шарканье, но идут хорошо, таятся, я бы и не услышал, если бы не прислушивался.

Подошел неслышно Юрген, присел рядом, дыхание тяжелое, долго не мог выговорить и слова.

Появились Ганшилд и Яков, я сказал шепотом:

– Тихо-тихо, не спешите! Сперва переведите дух. Дальше надо будет все очень быстро. Там две катапульты, я рассмотрел. Но это потом, главное – четыре охранника и двое мастеров по тем штукам. Их надо убить сразу! Без воплей, криков и лязга. Поняли?

Юрган ответил полушепотом:

– Милорд, я тоже хочу вернуться на корабль целым, а не по кусочкам.

Яков прошептал возбужденно:

– Я готов и погибнуть здесь, милорд! Но слава будет выше, если вернемся с победой.

Ганшилд поморщился, но встретил мой взгляд и кивнул.

– Отлично, – сказал я. – Да, еще пустячок. Там, кроме камней, еще и странного вида бочонки и кувшины. Ни в коем случае к ним даже не притрагиваться. Поняли? И ничего тяжелого не бросать в их сторону. И самим туда не падать, ясно?

– Ясно, – ответил Юрген озадаченно.

– Понятно, – ответил Яков.

Ганшилд бросил на меня изумленно злой взгляд.

– Хорошо, – сказал я, – теперь подберемся ближе...

Пришлось одолеть еще около сотни ступеней, прежде чем открылась широкая площадка, в центре костер, двое расселись в свободных позах перед огнем, что значит, ничего не видят, кроме пляшущих языков пламени, дураки, так нельзя, двое лежат рядом, но укрылись одеялами, а мастеровые просто бесстыдно спят, что и правильно: кто же сунется в пролив ночью?

– Я беру сидящих, – сказал я. – Юрген, сумеешь тех, что лежат?

– Обижаете, милорд...

– Тогда Яков, – сказал я, – и вы, сэр Дэвид, бьете мастеров. Уточняю, лишаете их жизни.

– Совсем? – уточнил Яков.

– Совсем, – подтвердил я. – С трофеями и сами разберемся.

– Как скажете, милорд.

– Все делаете быстро, – напомнил я, – чтоб никто и рта не раскрыл! Помните, мы посреди вражеского лагеря.

Яков посопел обиженно, но смолчал, в таких случаях претензии высказывают потом, а Ганшилд только кивнул и вытащил из-за пояса длинный кривой нож.

– На счет три, – сказал я. – Раз... два... три!

Глава 8

Мы в самом деле ринулись одновременно, но все-таки я опередил на важные доли секунды. Сидящие у костра только повернули головы в сторону неясного шума. Ослепленные ярким огнем глаза начали промаргиваться, но успели увидеть разве что блеск стальных клинков.

Я развернулся и всадил острое в горло лежащего за секунду до того, как меч Юргена раскрыл ему голову.

– Обижаете, милорд, – снова сказал он.

Он повернулся к Якову и Ганшилду, готовый помочь, но те убили спящих еще быстрее.

Ганшилд сказал, задыхаясь от возбуждения:

– Надо было бы оставить одного мастера...

– Зачем? – спросил я.

– Узнали бы состав горючей смеси...

– У мастеров тоже есть гордость, – ответил я. – Закричи он, нам всем бы конец. А смесь не может быть особенно сложной... Барон Юрген, теперь от вас потребуется подвиг еще выше! Можно сказать, жертва. Вы готовы?

Он вытянулся.

– Слушаюсь, милорд!

– Давайте вашу флягу, – велел я.

Все смотрели, как я проделал крохотную дырочку в бочонке, наполнил флягу черной жидкостью и тут же плотно

закупорил бочонок тряпочкой.

— Это для наших алхимиков, — объяснил я. — Проверят состав и создадут такой же... а то и лучше.

Юрген крикнул, с жалостью посмотрел на флягу.

— Да уж, — проворчал он, — это жертва... ну да ладно, я под вино другую заведу.

— Я тебе подарю, — утешил Яков, — побольше.

Я огляделся, кроме десятка бочонков, небольшие пузатые кувшинчики, что еще при первом взгляде привлекли внимание. Десятка три, из них половина из красной глины, половина из белой. Я нарочито пересчитал, все верно: семнадцать красных, семнадцать белых. И еще огромное количество лежит, зияя пустыми горлышками, вперемешку у высокого бордюра.

Ганшилд, не дожидаясь команды, ринулся в остервенении резать кожаные ремни, скрепляющие катапульты, а Юрген и Яков поглядывали с обеспокоенностью, как я осторожно поднял один кувшинчик с закупоренным горлышком, потом другой, уже иного цвета.

— Милорд, — произнес Юрген вопросительно.

— Их тоже возьмем, — сказал я, — вроде бы догадываюсь...

Яков проговорил вздрагивающим голосом:

— Милорд, пора уходить...

— Ты прав, — согласился я. — Юрген, бери вот этот красный и этот белый. Смотри, не споткнись! Сам погибнешь, не жалко, но всех поджаришь... Сэр Дэвид, хватит дурачиться,

уходим.

Ганшилд оглянулся, злой и растерянный.

– Сэр, мы еще не уничтожили катапульты!

– Уничтожим, – пообещал я. – Даже больше, чем вы думаете, сэр.

Они спускались первыми, а я набрал из бочки темной жидкости в пустой кувшин, щедро облил катапульты и бочки, не забыв и закупоренные кувшины, потом набрал еще и пошел вниз, оставляя за собой тонкую непрерывную струйку.

Хватило почти до самого низа, я молча восхитился плотностью струи. Команда уже ждет у выхода, Юрген всмотрелся, что делаю, сообразил, спросил шепотом:

– Милорд... огонь высечь?

– Держи кувшины, – сказал я строго и добавил: – А я уже поджег, не видишь?

И, загородив начало струйки своим телом, бросил искру из ладоней. Жидкость вспыхнула, неторопливый огонек покарабкался наверх.

– Вот теперь оставаться точно нельзя, – сказал я. – Быстро обратно...

Ганшилд все понял, просиял, как начищенный добросовестной хозяйкой медный таз, сказал ликующе:

– Сэр Ричард, возвращаться тем же кружным путем вовсе не обязательно!

– Знаешь лучше?

– Да!

– Веди наше стадо.

Он сказал загадочным шепотом:

– Я знаю, как спуститься со стены прямо к морю... Залезть оттуда нельзя, а вот вниз...

Он оборвал себя на полуслове, на площади появился идущий в нашу сторону мужчина в поблескивающей кирасе. Он еще не видел, как по ступенькам медленно ползет вверх огонек, но направлялся к караульным помещениям, а оттуда увидит точно...

Я быстро скользнул навстречу, он успел нахмуриться, увидел распахнутые двери будочки караульных, а я выдвинулся из тени и ударил его кулаком в лицо, тут же сделал локтевой захват на горле, так что он только слабо захрипел вместо вопля тревоги.

– Молчи, дурак!

Захлебываясь кровью из разбитого рта, он прохрипел:

– Кто... вы?

Ганшилд раскрыл рот, чтобы ответить что-то гордое и достойное, но я послал ему свирепый взгляд и сказал надменно:

– Республиканский десант кребесов, дурак! Разве не видно?

– Но, – прохрипел он, – разве мы с вами воюем?..

– При чем тут война? – спросил я зло. – Нас всего лишь интересуют некоторые ваши военные тайны...

Он снова пытался что-то сказать, но я с силой ударил его по голове. Он свалился в беспамятстве, Юрген оглянулся, но только ускорил бег, держась за Ганшилда.

Ганшилд на бегу спросил торопливо:

– Зачем вы сказали насчет кребесов?

– Разве вы против? – удивился я.

– Нет, – ответил он растерянно, – как-то не...

– Ну вот, – сказал я, – пусть подерутся.

Он некоторое время бежал за мной следом, молчаливый и насупленный, потом я услышал, как вдруг всхрапнул и приглушенно заржал, как конь, которому зажимают челюсти.

Стена покрыта чем-то странно знакомым, я бы назвал это чешуей гигантской рыбы, если бы такие исполины существовали. Сама стена с легким наклоном в сторону моря, чтобы по ней можно скатывать глыбы. Так они, набрав скорость, собьют с ног и покалечат больше народу, чем если бы их просто сбрасывали с отвесной.

Скользить вниз легко, если бы не закрепленная вверху веревка, унесло бы вниз моментально, а так я успел при спуске даже пощупать эти странные чешуйки и убедился, что если карабкаться снизу, они приподнимаются, впиваясь в тело, и верх стены становится вообще недостижим.

Уже внизу я рассмотрел далеко на берегу одинокую лодку, людей нет, пошел с осторожностью, но из-за камней на берегу послышался радостный голос:

– Это же милорд вернулся!.. Милорд, мы здесь!

Они бросились сразу к лодке, начали сталкивать в воду. Ганшилд, суетясь больше всех, трудился, упирался ногами, пыхтел; наконец днище закрипело, еще три пары рук ухватились за борта, все попрыгали в лодку, начали расхватывать весла.

– Ваша светлость, – спросил Мишель жадно-почтительно, – как вы там...

Со стороны города высоко в небе беззвучно вспыхнуло страшное багровое пламя. Некоторое время мы смотрели на это в почтительном молчании, потом все вздрогнули от мощного грохота. Верхушка горы раскололась со страшным треском, в ярком свете пожара стремительно взлетели темные на пурпуре пожара изломанные камни. Кроме приготовленных для метания по кораблям, я хорошо видел подсвеченные багровым огнем, украшенные барельефами обломки бордюра.

– Понятно, – сказал Мишель дрогнувшим голосом, на его лице отпечатался благоговейный восторг. – Хорошо погуляли!

– Милорд всегда так гуляет, – хвастливо пояснил Юрген, – не то что мы... Посуду побьем, стулья и столы поперевертываем... Ну, разве что корчму или таверну разнесем...

– Да, – сказал Яков, – наш адмирал говорил, что милорд меньше, чем на город, не разменивается. Хороший огонек, да?

Ганшилд прошептал:

– Это что же... все те запасы горючих масел... вот так

сразу?

– Гулять, – пояснил я, – так гулять. Вам что, ради веселья жалко? Тем более чужое...

Ганшилд сказал торопливо:

– Что вы, мой лорд! Это такое счастье видеть...

Юрген сказал строго:

– Хватит болтать! Гребите, морды. У меня пальцы затекли держать эти драконьи яйца.

– Мишель, – распорядился я, – возьми один кувшинчик у Юргена, он же барон, а ты кто?.. Да только осторожно, лодка вспыхнет так же весело, как и катапульты. А благородный барон заменит тебя на веслах...

Я уселся на корме. Весла дружно врезались в воду, а Ганшилд спросил меня ликующе:

– Значит, вы на нашей стороне?

Я покачал головой.

– Я на своей.

– Но вы, – пролепетал он, – уничтожили все катапульты...

– И что? – спросил я. – Рутинная проверочная инспекция, так сказать. Хорошо ли в этом регионе пространства охраняют ключевые посты? Я проверил. Хреново бдят. Вот и все. Поплыли дальше.

Он дернулся, умолк, потом медленно помрачнел, когда до него дошли слова насчет того, что охраняют хреново. А наверняка дальше в архипелаге охраняют еще хуже, чем здесь.

– И что собираетесь делать?

Я пожал плечами.

– Как принято. Разделяй и властвуй. Кто-то захочет воевать, а кто-то поспешит с нами заключить союз... Как думаете, кто выиграет?

Он ответил дерзко и с вызовом:

– Это зависит! Если к вам поспешат с заверениями любви и дружбы, а то и покорности, пятеро, а войну объявят пятьдесят, то плохо придется и вам, и вашим союзникам. Для вас они союзники, для нас – предатели!

– Но вы же враждуете друг с другом?

– То другое дело, – возразил он. – Споры между братьями не в счет. А вы не просто чужак, вы... совсем чужак!

Я подумал, кивнул:

– Хорошо, хорошо. Оставим это пока. Я даже не буду показывать на Авеля и Каина, Ромула и Рэма, Иосифа и братьевников и... многих-многих. Просто скажу, что брат заключает против брата союз даже с самим дьяволом.

Рассвет высветил голые мачты обоих кораблей, каравеллы застыли на море красиво и грозно, как врезанные в мир древней гравюры, прекрасность и триумф человеческого гения.

На их фоне маленький когг выглядит жалобно, как суслик рядом с двумя медведями. Но эти медведи пришли ему на помощь и стоят за спиной, готовые вступить, как только суслик свистнет.

Наши гребцы разогнали шлюпку так, что не плывет, а летит, прыгая с волны на волну, морды усталые, но довольные, Ганшилд вообще места себе не находит от возбуждения, подпрыгивает, на него орут и обещают выбросить за борт, если будет и дальше раскачивать лодку.

Юрген направил лодку, минуя когг, к «Богине Морей», там нас заметили, вдоль борта забегали, кто-то махал шляпой.

Я услышал радостный вопль:

– Сэр Ричард! На шлюпке!

И едва слышный с мостика гудящий голос Ордоньеса:

– Отлично.

Его помощник заорал диким голосом:

– Боцманматы, фалрепные – по местам!

Я поднялся на борт, все сняли шляпы и синхронно склонили головы, хоть отвешивай всем щелобаны в темя. В свою очередь, я поднес два пальца к виску, раз уж на мне нет шляпы, милостиво и вместе с тем отечески строго улыбнулся.

– Граф Ордоньес, – произнес я четко, – позвольте представить вам капитана Дэвида Ганшилда. Он помог нам совершить весьма интересный рейд на берег...

Ордоньес пробормотал:

– Да мы видели... и отметили ваше миролюбие. Не весь остров потопили, что удивительно, зная вас, а только что-то сожгли, хотя огонь был до неба... Добро пожаловать, капитан Ганшилд, на борт «Богини Морей»!

Ганшилд поклонился.

– Я счастлив, – сказал он с чувством, – подняться на борт такого огромного корабля... это просто чудо! Вам, адмирал, завидуют все моряки всех морей!

Ордоньес польщенно улыбнулся.

– Спасибо. Будьте желанным гостем. Надеюсь, расскажете, что вы там такое натворили...

Ганшилд оглянулся на меня почти с испугом.

– Я бы не посмел и подумать о таком, но сэр Ричард...

Я сказал небрежно:

– Вы тут обнюхивайтесь, а я пойду пока посмотрю на оружие массового поражения... пока о нем не проведала и не запретила Церковь.

Юрген бережно и с крайней осторожностью понес кувшинчики за мной. На ступеньках я взял один, а то вдруг да споткнется, сам занес в свою каюту и поставил на стол.

– А тот в угол, – сказал я. – Благодарю за службу! Иди-иди, там как раз самое интересное...

Он вихрем вылетел обратно, самое время бахвалиться, а я осторожно взял кувшинчик в руки. Как понимаю, темно-красный и белый потому, что разные смеси, дабы не спутали. Вроде «сено-солома», привязанные к ногам новобранцев. И воспламеняются особенно жарко именно при смешивании. Горение усиливается вдесятеро, потому держать нужно врозь, при соприкосновении самовозгораются, как явствует из слов Ганшилда. Достаточно на корабль метнуть

связанные вместе красный и белый кувшины, как сразу же, разбившись при ударе, дают неистовое жаркое пламя. А когда горит все, на что попадут разлетевшиеся брызги, то остается только выпрыгивать за борт.

Не думаю, что состав архисложный, мои алхимики со временем бы отыскали и сами, нужно только правильно поставить задание, но, конечно, лучше помочь собственным ученым, промышленный шпионаж еще никто не отменял.

Ордоньес дал мне время уложить трофеи в сундучок, постучал в дверь, я сказал «да», он спустился веселый, довольный.

– Этот ваш капитан, – заявил с торжеством, – уходить не хочет на свой когг!.. Везде лазит, расспрашивает... Что с ним делать?

– С корабля выпускать нельзя, – согласился я. – Чем меньше о нас здесь знают, тем лучше.

– Тогда за борт?

– Можно еще хуже, – сказал я.

Ордоньес округлил глаза.

– А что еще хуже?.. Не поставишь же здесь кол... Разве что на мачту... гм...

– Подцепим таким крючком за жабры, – сказал я, – что уже не оторвется. Скажем, что покажем, как такие корабли строятся. Он рухнет от нетерпения!.. А пока используйте как одного из своих матросов. Он будет рад и счастлив все увидеть, пощупать.

– Тогда уж, – сказал Ордоньес великодушно, – как одного из младших офицеров. Он толковый. И грамотный. Ловит на лету, как молодой пес мух. А его когг может идти прежним маршрутом.

– Уже договорились?

– Да, он сам предложил.

– Прекрасно!

– Что надумали дальше?

– В архипелаг не полезем, – сказал я. – Местные могут выставить не только сотню кораблей, пусть и мелких, но и с берегов забросают всякой дрянью...

– Обойдем, – предположил он, – по широкой дуге?

– По очень широкой, – подтвердил я. – Важнее увидеть общую картину, а мелочи уточнят другие. Я эрцгерцог или не эрцгерцог?

– Он самый, – согласился Ордоньес, не решившись произнести языколомное словцо. – А если невзначай заскочим в архипелаг?

– Если проливы между ними будут так широки, – сказал я, – что не увидим берегов, то ладно, пусть. Мне лишь бы с обеих сторон не забросали камнями.

Он ухмыльнулся.

– Ну, в такую щель уж точно не полезем. Хорошо, милорд! Мы сделаем все, как...

Наверху раздался крик, сразу несколько голосов, в дверь грохнуло, влетел растрепанный Яков.

– Ваша светлость, – прокричал он тонким голосом, – адмирал!.. Там... там такое...

Мы выскочили наверх, корабль немилосердно раскачивается. Сперва я увидел впереди рассеянный свет, будто море светится, а потом, когда приблизились, Ордоньес страшно выругался.

Глава 9

Я поднялся к нему на мостик, долго, с трепещущим сердцем всматривался в барханную поверхность моря, не веря глазам. Далеко впереди в середине круга рассеянного света, даже не круга, а будто из рваной тучи, на волны падает большое светлое пятно неправильной формы, темнеет нечто абсолютно черное, круглое, что показалось тоннелем, уходящим вертикально вниз. Подгоняемая ветром, «Богиня Морей» приблизилась еще, Ордоньес начал в бессилии сыпать проклятиями, вцепился в поручни.

Мое сердце оборвалось, там, впереди, настоящая широкая дыра с гладкими стенками, уходит вниз, как будто вокруг не вода, а твердый камень...

Ордоньес, опомнившись, заорал:

– Поднять кливера! На брасах стоять!

Испуганные матросы ринулись на мачты, парус приподняли, в то же время не давая сорвать ветром. Корабль неумолимо двигался в сторону черной дыры океана, потом его начало медленно сносить в сторону. «Ужас Глубин» в нескольких кабельтовых сзади повторял наш маневр.

Я затаил дыхание, корпус проходит совсем близко от края, водяные стены в самом деле стремятся далеко вниз, похоже на широчайшую трубу, но только в эту трубу свободно прошел бы город средней величины...

И жуткое и чудовищное в том, что нас даже не пробует затянуть водоворотом. Дыра в океане есть, вода туда стекает свободно, но водоворота нет как нет, хотя такое немыслимо!

Ордоньеса трясло с головы до ног, он перекрестился дрожащими пальцами, посмотрел на небо в грозных тучах и перекрестился еще раз.

– Господи, – проговорил он колеблющимся, как дерево на ветру, голосом, – что это?

Я пробормотал:

– Хочешь, чтобы я ответил за него?

– Да, сэр Ричард, вы ж то ли его любимчик, то ли Сатана под личиной...

– Боюсь, – сказал я медленно, – эта дыра в океане одна из причин...

Он ждал, но я молчал, стараясь сформулировать то странное чувство, что возникло при виде этой чудовищной трубы.

– Каких? – спросил он осторожно.

– Император Герман, – объяснил я, – изволил подарить мне эти острова... как думаете, почему?

Он ответил злобно:

– У самого руки короткие!

– Отчасти верно, – согласился я. – Хотя вы же доплыли...

Возможно, император пару раз уже обломал зубы, даже не добравшись до высадки на берег?.. Стимфалийские птицы, големы на берегах, эта вот дыра, еще что-нить, на что мы еще не наткнулись... А эскадры у него наверняка бывали по-

больше...

– Тогда почему посылает вас? – спросил он враждебно. – Вот гад!

– Нас ему не жалко, – согласился я. – Если погибнем – одной угрозой меньше... С другой стороны, возможно, на самих островах существует угроза побольше...

– Хочет столкнуть две беды? – спросил он.

– Это только предположение, – предупредил я. – Возможно, на островах от Древних какой-то гадости больше, чем в других местах? И это опасно для Юга... впрочем, и для Севера, но Юг хотя бы догадывается, что отсюда может выползти...

Он еще раз перекрестился, очень необычный для него жест, я подумал, что я в этом отношении еще пиратистее, перекрестился размашисто и сказал громко:

– Господи, избавь нас от... сам знаешь от чего, тебе виднее. Аминь!

Ордоньес посмотрел с подозрением, что-то не замечал за мной набожности, но смолчал, а с клотика раздался ликующий вопль:

– Других дыр не видно!

– Слава Господу, – сказал Ордоньес с чувством, но креститься не стал, будет слишком, Господь и так все видит и слышит, не глухой. – Знаете, ваша светлость, я напросился с вами на легкую прогулку, но, поверите ли, теперь даже ночью спать ложусь одетым и с мечом в руке!

— Ну это вы уж слишком, — мягко упрекнул я. — Не каждый же день будет попадаться всякое...

— Хорошо бы, — сказал он, — но только статуя скоро зацветет! Там уже почки набухли. И еще... веточки начинают лезть прямо из обшивки. Если такое же и на днище, то это замедлит движение... а потом, не знаю, но корабль может и вовсе рассыпаться...

Сперва это выглядело как облачко, показавшееся из-за горизонта. Облачко на бесконечной голубой глади. Попутный ветер гнал корабль резво, клочок белого тумана на зеленоватой воде моря разрастался, я успел заметить, что он не меняет формы.

Я посмотрел на сияющую синь, солнце уже опускается к грани между небом и землей, одинокое облачко начало розоветь в ожидании заката, море медленно засыпает, ветер почти утих.

— Я буду в каюте, — сказал я Ордоньесу. — Если что, кричите.

— Да уж, — ответил он с сарказмом, — конечно, сразу «караул», а как же.

В каюте я снова развернул карту, кое-что дополнил, память услужливо раскрывает все, что видел, теперь бы понять, что увидел и что из увиденного может во что вылиться.

Что острова не под единым правлением, это уже известно, хотя и непонятно. Мне кажется, обязательно сильный пра-

витель должен попытаться подгрести все под свою руку. И если этого все еще не произошло, то нечто более сильное, чем его воля и армия, сдерживает экспансию...

В дверь слышался стук, я поморщился, крикнул:

– Ну?

Голос мой прозвучал грозно, так что если кто-то сунулся с пустяком, то испугается и уйдет, за дверью в самом деле в нерешительности посопели, затем донесся робкий голос:

– Ваша светлость, команда волнуется...

– Войди, – велел я.

Вошел незнакомый матрос, поклонился непривычно низко, почти как придворный, а не как гордый пират.

– Ваша светлость, – повторил он, – статуя...

– Что, – сказал я, – сошла с носа и гуляет по палубе?

Он испуганно всхрюкнул:

– Гуляет?.. Нет, ваша светлость, еще не... а что, может?

– Ну да, – ответил я, – сколько ей еще стоять там, прикованной... Так что с нею?

– Веточки, – выдохнул он, – уже зацвели...

Холод прокатился по моему телу, но я сказал натужно беспечно:

– А что за цветы?

Он дернулся.

– Цветы?.. Да кто их... белые какие-то...

– Пчелы летят?

– Ваша светлость, – проговорил он в испуге, – какие пчелы

тут, среди моря...

— Морские, — ответил я. — Столько плаваешь и не встречал еще? Морских коров видишь каждый день, а пчел... Темнота! Цветы хорошо пахнут?

— Н-н-не знаю, — проблеял он. — Не нюхал. Никто не подходит близко.

Я поднялся, отодвинул стул.

— Пойдем. Я как раз случайно хороший гербист. Это не по гербам, а по всякой и даже разной растительности знаток, умелец и вообще еще тот, понял?

— Да, ваша светлость, ага, хоть и не понял, но вы уж взгляните как бы сами и даже лично...

На палубе такой легкий ветерок, что почти штиль, небо вместо невинной голубизны уже зрело-синее, торжествующее, весь запад полыхает в несказанной пышности божественного заката, облака уже не облака, а плотные воздушные горы, хребты исполинские, внушающие оторопь и смирение...

На палубу, мачты и даже на море пал багровый отблеск пылающего неба, только статуя «Богини Морей» вся зеленая, окутанная множеством мелких веточек.

Я подошел вплотную, на веточках в самом деле начали распускаться крупные белые цветы, чистые и невинные, запах тоже чистый, без примеси сладости или чувственности.

— Хороший знак, — воскликнул я с чувством. — Что вы за люди, почему всегда толкуете себе на беду? Господь нас лю-

бит и посылает нам одобрение!

Юрген выдвинулся из толпы матросов.

– Нам? Одобрение?... Ваша светлость, а кого же тогда в ад, если одобрение нам?

– Кого в ад, а кого в рай, – сказал я, – придумали люди. На самом деле у Господа, может быть, совсем другие намерения. Он слишком велик, чтобы нам дерзновенно пытаться угадать его желания. Тем более, как мне кажется, среди вас маловато докторов богословия и профессоров каббалистики?

Они с подозрением косились друг на друга, будто уже заподозрили в излишнем для мужчины умничании.

– Чистые белые цветы, – сказал я, – сулят для умных успех, а для дураков – удачу, так что всем нам что-то да обломится! А теперь идите пьянствовать, богословы!

С мостика прогремел крик:

– Отдать якорь!

Загремело железо, тяжелый якорь со следами молота на железных раскоряченных лапах грузно обрушился в воду. Взлетели брызги, я проследил взглядом за уходящей вниз тяжелой болванкой. Рядом со мной остановился крепкий матрос с мощной грудной клеткой, тоже смотрит вслед, но именно смотрит, а я созерцаю: если якорь не зацепится за дно, этому герою придется нырять и попытаться вручную зацепить рогом за грунт.

На каждом корабле, даже коггах, есть эти «якорные ныряльщики», у них оплата почти такая же высокая, как у ко-

рабельных плотников. Именно от якоря зависит, останется корабль на месте либо же его ветром снесет на рифы, мель или разобьет о скалистый берег.

Насколько помню, на мелях Гудвин-Сэндз, что чуть северо-восточнее Дувра, из-за плохих якорей разбивались не только отдельные корабли, но и целые эскадры. Там сгинули тысячи кораблей, а моряков – десятки тысяч, так как их якоря не могли удержать корабли. А чего стоит катастрофа на рейде Даунс, когда всю эскадру адмирала Бьюмонта, а это тринадцать линейных кораблей, выбросило на скалистый берег и разбило в щепки?

Ладно, их не жалко, мне будет жалко, только если что-то случится с этими двумя красавцами кораблями, они ж мои. Ордоньес как-то обмолвился, что, когда вышли из порта Черри, на всех кораблях было по тридцать якорей, а сейчас всего по два, несмотря на то что с погибших успели снять все, включая якоря.

Я слышал, чему никак не могу поверить, что раньше якоря все были одноразовые: как только корабль поднимал паруса, якорный канат просто обрезали, и он оставался на дне. Но даже если это вранье, то все равно якоря приходится брать с большим запасом: либо зацепится на грунте так, что не могут поднять, либо канат лопается под напором шторма, либо приходится обрезать самым в опасной ситуации, когда нужно уйти срочно.

И потому, конечно, надо не забыть разместить заказ на

якорные цепи. Хотя их придумал и оснастил свои корабли еще Александр Македонский, но еще полторы тысячи лет мир тупо пользовался канатами из пеньки, хотя меня выворачивает, когда вижу, как вместо каната поднимают нечто чудовищное и толстое, жутко облепленное илом и жидкой глиной. Такую веревочку, толщиной с бедро взрослого мужчины, попробуй отмыть, а потом еще надо высушить до того, как уложишь в бухту, иначе сгниет, и на следующий раз якорь точно останется на дне, а корабль понесет ветром, хорошо – если в море, а если на берег?

Вообще-то, учитывая, что подъем якоря – тяжелейшая и отвратительнейшая работа, могу понять желание просто оставить его на дне. Обычно якорь поднимают самые дюжие и тяжелые матросы, иногда по пятьдесят человек, это же надо представить, а так как такой толстый канат не накрутишь на барабан, то матросы по нескольку часов выхаживали шпиль, упираясь в огромные рукояти-вымбовки.

А пока корабль стоит на месте, приходится канат постоянно приспускать, избегая трения в одном месте. Потому и клюзы отделяются свинцом, чтобы тоже не перетерлись...

Нет, поставим только железные. Это новые рабочие места, потребуется много руды, угля, опытных кузнецов, а рабочую силу нужно кормить, где-то размещать, это привлечет добавочных строителей, поваров...

Глава 10

Был соблазн ночью снова попорхать над островами, но какие-то они слишком уж не мирные, где-то да шарахнет так, что разнесет в клочья, лучше пойду отосплюсь впрок... Однако я отогнал трусливые мысли и все-таки с полночи попетеродактилил на большой высоте, куда вообще-то не должны достать никакие стрелы.

Никто меня не остановил, но я сам мудро не стал нарываться на неприятности, запомнил расположение островов и тихохонько вернулся на корабль.

Море покрыто гибкими пластинами серебра, живое серебро, вспомнил я выражение из детства. Словно миллион миллионов блестящих рыб плывут по поверхности, то выскакивают, то погружаются в темные пугающие бездны.

Утреннее или вечернее солнце одинаково подсвечивает волны, я постоял, наблюдая за робким стыдливым рассветом, отыскал взглядом вчерашнее облачко и обнаружил, что оно уже совсем близко, только это не облако, а исполинская гора, что вырастает прямо из воды.

Обомлевши, я стоял на палубе, глазел. Юрген благочестиво перекрестился. Я перехватил его взгляд, всмотрелся, мороз пошел по коже. Гора выглядит древней, похожей на исполинскую глыбу мела, в трещинах, с навесами и кавернами, на одной из плит стоит фигура, которую я принял спер-

ва за каменный столб, присмотревшись, сперва не поверил глазам.

Во-первых, размеры: фигура превосходит все мыслимое подобного сорта – наш корабль не больше пальца на ее руке, во-вторых, сама статуя изображает словно бы Венеру Милосскую, принявшую христианство. Безукоризненное лицо, чувственная фигура, но задрапированная в тяжелые одеяния, голова покрыта капюшоном, из-под которого выбиваются крупные локоны. Глаза смиренно опущены, голова чуть набок, а руки сложены на животе в христианском жесте смирения и покорности.

– Кто? – прошептал я. – Кто... мог сотворить такое?

Корабль двигался, подгоняемый попутным свежим ветром. Ордоньес умело ведет под углом к белой скале, намереваясь обогнуть, и тут меня тряхнуло снова: за поворотом начали выступать колонны, белоснежные, чистые, каждая в поперечнике с небоскреб, но видно же, что сплошной камень... Какие силы вытесали из цельной горы?

Я посмотрел за борт, по телу пробежала легкая дрожь. Корабль идет над огромной глубиной, взгляд легко проникает в глубь чистейшей воды на десятки метров, если не на сотни, гора уходит отвесно, там, дальше, постепенно темнеет, мне начало казаться, что это чудовищное образование поднимается чуть ли не от самого ядра планеты.

Впереди показался камень синего цвета, в нем отверстие, вода плещется там и шумно лижет стены. Мне камень по-

казался камешком рядом со статуей христианской Венеры и чудовищными колоннами, но мы приближались и приближались, Ордоньес вел корабли настолько уверенно, словно ходил здесь не раз, у меня сердце замерло, когда я осознал истинные размеры и камня, и дырочки в нем.

Корабль прошел свободно, от верхушки мачты до свода можно поставить еще два таких корабля, а справа и слева одновременно с нами проплыли бы десяток каравелл.

Я оглядывался с потрясенным видом, сердце стучит взволнованно, а дыхание вырывается из моей груди хриплое, словно я побежал от этой горы бегом.

На краю камешка, справа от дыры, через которую мы проплыли, как кот на солнышке, устроился огромный трехэтажный дворец из белого камня. Он красиво контрастирует с синевой основной глыбы, сказочно отражается в прозрачной воде.

Ко мне на мостик поднялся Вебер, усы лихо закручены кверху, вид бодрый и бравый.

– Дворец Древних Королей, – проговорил он с великим почтением. – Чтобы его построить, с той белой горы туда семьсот лет возили камень... Но какое чудо выстроили!

– Семьсот лет, – повторил я. – Значит, был здесь период стабильной экономики? Семьсот лет без потрясений, падений курса, смены династий... хотя династии могли меняться, это ерунда, но без смены религий, даже без расколов, ересей, альбиносов всяких, то бишь альбигойцев...

На мостик поднялся Ордоньес, метнул сердитый взгляд на Вебера, но тот моментально исчез, сам капитан и знает насчет правил.

Ордоньес посопел сердито, глядя ему вслед, затем наклонился ко мне,дохнул парами вина.

– Ваша светлость... – голос его звучал мирно и вкрадчиво, – гм... как бы это сказать...

– Да так и говорите, – предложил я. – Какие между нами экивоки? Режьте мне прямо в глаза правду-матку насчет того, какой я мудрый, талантливый и прекрасный!

Он посмотрел на меня исподлобья.

– Да? Ну тогда ладно. Я заглянул к вам где-то за полночь...

Я охнул, спросил с беспокойством:

– С какой целью?

Он поморщился.

– Ваша светлость, ничего порочного, уверяю, хотя мы по долгу без женщин. И не убивать вас приходил.

– Тогда даже не представляю, – пробормотал я. – Неужели даже целебный морской воздух не спасает от бессонницы? А я уж собирался его продавать в склянках... Ну тогда точно вам, граф, пора разводить овец. Чтобы считали перед сном. Белых-черных, белых-черных...

Он покачал головой.

– Сплю, как бревно, как и положено мужчине. Просто вопрос возник один деликатный... но когда заглянул к вам, вас

в каюте не оказалось. Тогда я, не поднимая шума, обошел весь корабль. Милорд, я знаю все закоулки, от меня мышь не скроется! Но вас не обнаружил.

Я посмотрел с укором.

— Граф, как же вы недооцениваете мою заботу о народе, его благополучии, просвещении, подъеме экономики, создании новых рабочих мест, терпимости и толерантности! Я настолько ушел в себя, что стал незаметен для вульгарного быта со своими государственными планами, ибо у вас на виду только личное, близкое и сугубо вещественное!.. У меня, кстати, тоже, но я могу уходить мыслью в суть вещей, а тогда меня, конечно, узреть трудно, вы же в суть не смотрите!

Он кивнул пару раз в начале моей тирады, но потом только смотрел с подозрением, слушал и наблюдал за моим предельно честным лицом.

— А там, — спросил он, — в тех глубинах... что?

Я вздохнул:

— Ох, и не спрашивайте, граф. Суета сует и всяческая суета, даже не приправленная высокими словами. Там все прямо и настолько честно, что отвратительнее и не придумаешь! У нас же все построено на лжи, постоянной и непрекращающейся. Все началось с того, что Ева соврала насчет яблока, и благодаря этой лжи возникло общество, цивилизация, эти вот гигантские корабли!.. Но будь мы честными, остались бы стадом диких обезьян... Простите, граф, я что-то разговорился, но мне было так грустно в глубинах сознания, подсо-

знания и внезапные, что я вот как бы вот так, ага?

Он сказал оцепенело:

– Ох... как хорошо, что я не пошел учиться, как родители принуждали...

Остров с белоснежным дворцом уплыл, но не успел исчезнуть из виду, как начал приближаться другой, высокий, словно торчащая из моря гора, но странная: вершина почему-то больше, чем основание.

Я присмотрелся, раньше других с дрожью во всем теле понял, что это не гора, а... дерево. Чудовищно огромное, толстое, вершиной вот-вот достигнет облаков, и... каменное. Однако, чувствую, что и каменное продолжает расти. Когда-то здесь явно был остров, но дерево подмяло под себя и землю, и камни, размолотило на минералы, поглотило и сожрало корнями, а теперь дерево запускает их все глубже в земную твердь.

Подошел Юрген, огромный, косолапый, с угрожающе раздвинутыми руками, но у него в самом деле глыбы косых мышц не дают рукам плотно прилегать к бокам.

– Боже правый, – выдохнул он, – куда мы вторглись? Того и гляди, вот так и...

Он умолк и пугливо перекрестился. Яков спросил подозрительно:

– Что? Чего язык прикусил?

Мощный рык Юргена прозвучал как-то непривычно жалобно и тонко, словно скулила мышь:

– А вдруг еще и на левиафана напоремся...

– Какого?

– Да любого, – ответил он страшным шепотом и посмотрел по сторонам, не подслушивает из-за ящиков какой-нибудь из левиафанов. – Говорят, их на всем свете двое. Самец в северном море, самка – в южном. Если встретятся, миру конец...

Я сказал пораженно:

– Так ты Библию читал?

– Да, ваша светлость.

– Что случилось?

– Да слабый в детстве был. Все говорили, что помру скоро.

Вот и читал, чтобы подготовиться...

– И как, помогло?

Он покачал головой.

– Нагрянули пираты, деревню пограбили, а меня и еще троих забрали на корабли, чтобы прислуживали за столом. Морской воздух как-то выходил...

Он нависал надо мной, как медведь гризли над сусликом, от него по всему кораблю распространяется ощущение дикой силы.

– Морской воздух, – согласился я, – вещь... В самом бы деле наладить какую-то коммерцию. Эх, не пришло еще это время.

Каменное дерево-гигант осталось за кормой, мимо поплыли мелкие острова, даже издали видно, что людей там нет, а

если бы кого и выкинуло кораблекрушением, то прожили бы недолго. Пусть там и много крабов на берегу, а еще вон даже омары ползают, но без пресной воды как-то не весьма.

Еще пара островов с густым лесом, холмами, но если там и есть люди, но одна-две деревушки среди деревьев, неинтересно. Затем большие острова, даже в ночи я видел с большой высоты города и четкие ниточки дорог, а в уютных бухтах стоит на рейде множество кораблей, из которых самые крупные – когги.

На всякий случай их обошли по широкой дуге, Ордоньес все оглядывался, но никто не бросился в погоню, хотя наверняка нас видели и оценили грозную мощь огромных кораблей.

– Уважают, – сказал он довольно, хоть и с некоторым разочарованием. – Очень уважают...

– Розы прививают любовь к природе, – согласился я, – а шипы – уважение.

Он захохотал, довольный.

– Точно! Хочешь, чтобы уважали, подведи корабль поближе и поставь у борта два ряда арбалетчиков со взведенными тетивами.

Из «вороньего гнезда» на клотике донесся вопль:

– Земля!

– Восьмая за сегодня, – сказал Ордоньес.

Дымчатый силуэт острова появился сперва словно акварельный рисунок, затем обрел четкие и даже резкие линии.

Матросы подбежали к борту, обнаженные до пояса, с подвернутыми штанами, посмотрели и разбежались по мачтам в ожидании неизбежной команды сбавить ход.

– Остров хорош, – сказал Ордоньес задумчиво, – но что-то не видать жилья...

– Может быть, – предположил Юрген, – в глубине?

– И никто не ловит рыбу? – поинтересовался Ордоньес. – Не собирает водоросли, крабов, ценные раковины?

Он посмотрел на меня, я пожал плечами.

– Языческие боги бывают весьма злыми. Может быть, вообще запрещают умываться!

Ордоньес хмыкнул.

– И что в этом злого?.. Умываться должны женщины и хомячки. Как я понял по жаркому дыханию у меня за спиной, кому-то не терпится, да? Кто-то жаждет высадиться?

Яков и Мишель поспешно отступили, но Юрген покосился в мою сторону и прогудел довольно:

– Точно! У нас же теперь просто прогулка с катанием по водам его светлости... Почему не посмотреть, что там глыб-же? Вдруг его светлость пожелает там замок выстроить?.. Или на мышей поохотиться?

Ордоньес сказал в задумчивости:

– Ну, разве что на мышей, раз от драконов уже тошнит... Хорошо, если его светлость изволит позволить восхотеть...

Они все смотрели в ожидании, я сказал весело:

– Почему нет? Мы как бы прогуливаемся на яхте после

трудов праведных... в нашем истолковании? Готовьте лодку.

Ордоньес сказал Юргену:

– Спускай шлюпку на воду.

– Слушаюсь, – ответил Юрген браво и заорал: – Шлюпку на воду!

С палубы раздался ответный вопль:

– Шлюпку на воду!.. Шлюпку на воду!

Да запомнил я уже, мелькнуло у меня в голове, запомнил, можете не повторять. Здесь нет лодок, и вообще непонятно, что это такое, а только шлюпки... И по морю не плавают, а ходят, потому что сказать, будто моряки плавают, это назвать их говном...

Остров с прекрасным пляжем, песок блестит под солнцем, волны накатывают медленно, лениво, не потревожили бы и ребенка, копающегося в песочке, да только нет и следа человеческого присутствия, хотя с лодки вижу стайки крупных рыб, толстых и глупых, жирных настолько, что сразу на скорородку; на берег вышла группа крабов и направилась деловито за кокосами...

Юрген покрикивал, заставляя убыстрять темп, лодку разогнали и разом подняли весла, и она с разбега выскочила на берег и проскрипела днищем по песку.

Моряки выскочили и встали ее, уже пустую, повыше. Двое остались охранять, а Юрген с горящими глазами, чуть не повизгивая, оглянулся на меня.

– Ваша светлость?

– Веди, – согласился я.

В лицо дул несильный свежий ветер, листья тревожно трепещут, но тяжелые ветки лишь небрежно покачиваются, царственные в полуденной лени.

Деревья стоят так плотно, что часто приходится протискиваться боком, однако все равно светло и даже солнечно. Юрген начал посвистывать, Яков и Мишель то и дело обгоняли, бахвалясь, что проскакивают между деревьями, как юркие зайцы.

Юрген вдруг сказал довольноно:

– Ого, а людишки здесь бывали...

Дальше земля неровная, даже холмистая, сердце сжалось, это же рассыпавшиеся руины чего-то крупного, настолько древние, позеленевшие и обросшие мхом, что уже неотличимы от таких же давно упавших деревьев.

Яков шаркал подошвой по траве, морщился, матерился.

– Бывали, – подтвердил он зло.

Сами деревья все выше и массивнее, зато уважительно держатся на расстоянии одно от другого. Мы двигались уже попарно, мелкие зверьки прыскали из кустов, шелестели в траве, а впереди медленно открылся за редющей оградой странный, лишенный всякой растительности гигантский круг...

Деревья выпустили нас на простор, перед нами не просто круг без деревьев и кустов, как показалось сперва, а утоптан-

ная земля, что пологой воронкой уходит к центру.

Все насторожились, начали подходить с опаской, на утоптанную землю вступили осторожно, плотная, как камень, заметно ниже той, что еще не тронута...

Юрген прошел дальше, опускаясь ниже и ниже, хотя уже видно, что внизу в самом центре пусто. Странная воронка на первый взгляд выглядит оттиском в земле гигантской лейки, на второй – составленной из все уменьшающихся колец, подогнанных настолько точно, что между ними ни тени зазора.

Яков охнул, указал трясущимся пальцем на другую сторону. Там, на самом краю воронки, задрожало и рухнуло дерево. Через ствол не перешагнула, а растоптала его в труху и двинулась по краю странного кольца чудовищно исполинская фигура... вроде бы человеческая, но серая с головы до ног и... у нее, как теперь вижу отчетливо, больше чем две руки.

– Отходим, – велел я. – Мне кажется... пройдет здесь, где стоим.

– Всем за деревья! – скомандовал Юрген.

Они отступили послушно, хотя в недоумении переглядываются, я всматривался в фигуру, что-то странное и непонятное, пока не сообразил, что она танцует! И рук потому не считал сразу, она ими двигает резко и быстро, но теперь вижу, что их шестеро, как у индийской Кали или эллинской Гекаты, хотя это может быть и Хакини, у той тоже шесть рук и третий глаз на лбу... Лучше бы она, не такая кровожадная,

как Геката, а уж Кали так вообще чудовище...

Огромная фигура, в три моих роста, как теперь вижу, двигается строго по кругу. Все мы слышали тяжелые и частые удары о землю. Каменное шестирукое изваяние идет в заученном странном танце, явно созданном именно для нее, где почти вся пляска в движении рук, без всяких особых подскоков и поворотов.

Теперь видно, что из-за спины выглядывает что-то вроде сложенных крыльев, тоже каменных.

Рядом со мной хрипло дышит Юрген, руки сжимают тяжелый топор, остальные тоже прижались к земле с оружием наготове, их глаза неотрывно следят за приближающимся чудовищем.

Яков сказал с нервным смешком:

– Дать бы ей в каждую руку по мечу...

– Не возьмет, – ответил я.

– Почему?

– У нее две руки для мужа, – объяснил я, – две для ребенка и две для себя, такой замечательной...

– В смысле?

– Для утех, – объяснил я. – А если еще и муж появится, то обнимать чтоб крепко.

Он перекрестился и сплюнул.

– У такой муж? Господи упаси, не дай бог, если еще и дети пойдут, миру хана...

Тяжелые ноги шестирукого чудовища несут строго по

протоптанному, уже вбитому в землю, так мне показалось с первого взгляда, затем увидел, что с внешнего края при каждом шаге осыпаются комочки земли, а широкие подошвы втаптывают с такой силой, что уже с первого прохода становятся плотными, как камень.

Юрген тоже, похоже, догадался, посмотрел на меня с вопросом в глазах:

– Ваша светлость... она расширяет, да?

– Вроде бы, – пробормотал я. – По миллиметру за круг... или по два... но расширяет.

– Затопчет весь остров?

– Может быть, – согласился я. – Хотя сперва топталась на месте, судя по яме, потом что-то заставило в разгон...

Шестирукая статуя уже приблизилась и медленно пошла мимо. Ноги бьют в землю мощно и однообразно, хотя и в ритме, но на них мало обращаешь внимание, замороженный чудовищным танцем рук, гранитных, но гибких, словно из шелка. Плечи широки, но мы привычно, по-мужски, засмотрелись на три пары грудей, полных, торчащих, с выпуклыми каменными сосками. За спиной в самом деле крылья, серые, в мелких щербинках, прилегают не плотно, а как бы готовы мгновенно раскрыться и метнуть тяжелое тело в небо.

Я проводил ее взглядом, поднялся и вышел к краю круга. Статуя удалилась в странном танце, на меня никакого внимания, думаю, не обратила бы, даже если бы я стоял рядом или прыгал перед нею.

Юрген сказал азартно:

– Я придумал, как ее свалить! Набросить канаты или сеть, а потом дернуть как следует!

– И что? – спросил я. – Будет дергаться и лежать. И такую яму выроет... Нет уж, тут хоть предсказуемо. Эти деревья еще лет десять простоят, пока доберется и растопчет.

– А потом? – спросил он. – Войдет в воду и будет плясать на дне вокруг острова?

Я пожал плечами.

– Кто знает. Может быть, вода блокирует солнечный свет, которым она питается, и тогда помрет от голода?

Он посмотрел вслед с жалостью.

– А я бы что-нить придумал...

Яков сказал ехидно:

– Поцеловал бы, молодец. И она бы превратилась... Или тебя бы...

Юрген посмотрел на него с угрозой в ясном взоре.

– Поговори у меня! Свяжу и брошу у нее на дороге.

Глава 11

Я смотрел вслед удаляющемуся чудовищу, явно же оно когда-то танцевало на месте раз в год по большим праздникам. Потом... когда люди исчезли, стояла несколько веков в неподвижности. Затем по истечении лет или веков что-то случилось... к примеру, подземный толчок, крохотное такое землетрясение, что улавливают только чуткие муравьи. Никто ничего не заметил, но танцующую статую сдвинуло на миллиметр, в ней тоже что-то сдвинулось, и самопроизвольно начала прерванную ритуальную пляску. Но теперь центр проходит не строго через центр ее тела...

Через несколько лет уже ходила в танце на крохотном утоптанном ее ногами пяточке, с каждым годом расширяя его больше и больше. Земля внутри утоптанного круга стала плотнее камня, ни одно зернышко не прорастет, но у меня странное ощущение, что на каждый круг у нее отпущен некий лимит времени или энергии... Потому сперва годами топталась на месте, вбивая землю глубже и глубже, а каждый расширяющийся круг все выше и выше. Возможно, через несколько лет уже не сможет землю втаптывать, не будет успевать... или же начнет двигаться так быстро, что перегреется и разлетится на куски...

Мишель, самый рассудительный, сказал тихонько:

– Она каждый круг танца делает на толщину конского во-

лоса шире, верно? Это немного, но за неделю расширяет круг на дюйм!

Я пробормотал:

– Это понятно...

– У нее голова закружилась? – догадался Яков. – Это и понятно, сколько кругов намотала, как осел на водокачке!

– Я бы взял ее на корабль, – сказал я, – если бы как-то удалось приспособить к делу...

Юрген предположил неуверенно:

– А нельзя ее на шпиль, чтобы якорь поднимала?

– Еще могла бы и зацеплять-отцеплять на дне, – сказал Яков. – Да и вообще зачем с такой якорь? Если не дышит, то могла бы прыгать за борт вместо якоря и держать корабль за канат.

– А в безветрие таскать на веревке? – спросил Юрген. – Эх, сколько дурной силы пропадает!

Джон сказал с чувством:

– Я восторгаюсь нашим Юргеном!.. Смотрит на эти три пары... и думает про весла. То ли дело Яков и Мишель, вон на что уставились, аж слюни текут. Не-е-ет, думаю, пусть себе здесь танцует. А когда всех перетопчет, мы этот остров объявим своей собственностью.

Юрген сказал с жалостью:

– У нас на водокачке, помню в детстве, шесть пар осликов колесо крутят!.. А тут ее одну можно приспособить... И танцует, и воду качает, здорово?

– Возвращаемся, – сказал я.

– Думаете, – предположил Юрген, – кто-то этот островок уже своей собственностью объявил?

Летний закат всегда неизмеримо ярче и красочнее зимнего, там едва алеют облака, солнца не видно вовсе, а здесь в бездонном небе громоздятся целые облачные горы, пурпурные, багровые, оранжевые, в их недрах разверзаются бездны, рождаются новые миры, и стоишь потрясенный, словно присутствуешь при сотворении вселенной...

Голоса постепенно затихли, народ убрался вниз, за исключением дежурных, здесь они именуются вахтенными, а я тайком пробрался на корму. На миг острая тоска стиснула сердце. Что я снова делаю, дурак? Нырнуть в море ночью? А вдруг Ордоньес передумает, всех нас сжигает нетерпение, и поведет корабль дальше?.. А я останусь в океане один?

Руки дрожали, а ноги тряслись, когда я по веревке сполз к воде, это чтоб не было всплеска, что насторожит вахтенных.

На этот раз не стал пытаться превращаться в дракона, сразу перекинулся в ихтиозавра или плезиозавра, не знаю, или что-то среднее между ними, но думаю, что-то определенное, что-то с этими превращениями есть странное, какая-то закономерность...

Да, именно закономерность. Легче всего превращаюсь в то, что есть в моей родословной и записано в генах. Даже птеродактили там, хоть и в боковой ветви: кистеперая рыба

выползла на берег и дала начало ящерам, а те уже разбежались по суше, некоторые начали лазить по деревьям и отрасли крылья, другие вернулись в воду и стали ихтиозаврами, третьи отважно шли вперед и стали млекопитающими...

И хотя прямых потомков с крыльями нет, но, видимо, в моих генах таится древний код, что позволял развиваться моему древнему виду хоть в тираннозавра, хоть в хомячка или даже в канарейку. Пусть и с трудом, могу превращаться даже в дракона, но вряд ли получится во что-то небывалое, ну там мыслящую плесень или осознающий себя живым камень...

Несмотря на то что ночью вижу, как и днем, но все в черно-белом, а чаще – сером, сейчас вот острова кажутся темными пятнами нефти на серебряной воде, лунный свет гаснет в деревьях, траве, кустарнике и просто в неровной земле в то время, как волны радостно отражают призрачный свет, играют в нем, как дивные рыбы с волшебной блестящей чешуей.

К великому сожалению, здесь не удастся повторить трюк, который так блестяще сработал в Черро. Там в самом деле были пираты, грабившие берег, а здесь настоящие государственные образования, где пиратство – только часть занятий, одна из профессий, очень уважаемая, кстати. Остальные же выращивают хлеб, занимаются скотоводством, а не только рыбной ловлей, на островах не жалкие поселки, а настоящие полноценные города, так что в легализации не нуждаются, как в Черро, сами по себе самостоятельные королевства, но,

скорее всего, просто не все употребляют титулы из-за старинной вражды к ним.

В памяти отложились очертания еще двух десятков больших островов и с полсотни мелких, я чувствовал, что, если еще попробую что-то запомнить, моя голова станет тяжелее чугуна и пойду топором вниз, пока не врежусь в волны.

Чтобы остаться незамеченным, я пронесся над верхушками волн, взмыл перед самым бортом, уцепился когтями, прислушался, потом неуклюже перевалился на палубу. И только когда шел к своей каюте, острый страх пронзил насквозь, как раскаленной иглой...

Ну что за дурак, а? Редкостный, дремучий. Неужели и раньше не думал? Или как сейчас, думал потом, на лестнице? Меня же могла ухватить любая крупная рыба, ну, рыба, ихтиозавр или касатка, как окуни ловят пролетающих слишком близко к поверхности пруда жуков и стрекоз!

Ну дурак, ну идиот, дубина, тупое животное, птеродактиль...

Остаток ночи я выуживал из памяти увиденные острова и старательно переносил их очертания на огромный лист бумаги, стараясь соблюдать пропорции и масштаб.

Наверху на палубе пропел рожок, простучали босые ноги, начинается утро, если правильно понимаю сигналы. Вскоре в дверь постучали. Зашел стюард, за ним грузно ввалился Юрген.

Стюард сказал почтительно:

– Скоро отлив, ваша светлость.

– Спасибо, – сказал я, – скоро буду.

Он поклонился и вышел, Юрган посмотрел ему вслед и тихо сказал с напряженным лицом:

– Ваша светлость, статуя Морской Девы уже вся в зеленых веточках. А цветы начали осыпаться...

– И что? – спросил я. – Это ж нормально.

– Но, ваша светлость, – сказал он шепотом, – там начало что-то завязываться. Какие-то плоды, но непонятно...

Я сказал бодро:

– Почему непонятно? Лепестки опадают, плоды завязываются. Кроме тех цветков, что пустоцветы. Чего волноваться? Не все неведомое несет угрозу. В основном неведомому угрозу несем мы.

Он тоже коротко поклонился и ушел, явно не поколебленный в своих страхах. Я сложил бумаги в стол и вышел из каюты.

Юрген на палубе проорал:

– На шпиле стоять!

Раздался топот ног, я кивнул:

– Спасибо, сэр Юрген. Сэр Яков, приступайте.

– Есть, сэр Ричард, – ответил сэр Яков и, повернувшись в сторону палубы, прокричал дико: – Отдать кливера!

По кораблю пронеслось:

– Отдать кливера!

– Отдать кливера...

– Отдать...

– Выбирай!

– Готовсь отдать марсели!

Ордоньес посмотрел с мостика вниз и закричал:

– Пошел шпиль!

Матросы навалились на огромный ворот, он затрещал, закрипел, вскоре из воды вынырнул и начал медленно подниматься громадный якорь, что уже и не якорь, а произведение искусства. Зачем-то навывывали и на нем мифологических фигур, я точно за такие откажусь платить, буржуазные излишества новому миру ни к чему.

Ордоньес медленно шел вдоль борта, отдавал мелкие приказы, наконец поднялся ко мне, точнее, к себе, на капитанский мостик, где я уже почти прижился.

Он приложил ладонь козырьком ко лбу, закрывая глаза от солнца, пристально всматривался в остров.

Я подошел и встал рядом.

– Еще один, – проговорил он в задумчивости, – райский уголок, как сказал бы я в своей мудрости... тьфу, как же разительно общение с вами, ваша светлость!

– И что не нравится? – спросил я. – А не нравится, вижу.

– Почему в таком райском месте ни одного поселка? – спросил он. – Или и тут шестигрудая танцует?

– Шестирукая, – поправил я. – Думаю, шестигрудость наших орлов ну никак не испугает.

Он улыбнулся краем рта.

– Еще бы. Хоть и шесть рук неплохо, необязательно же им держать мечи и топоры?.. Просто дивный остров! Эх, хоть на этот высадиться, что ли? Общее управление кораблем за вами, ваша светлость, а паруса и все прочее – за Юргеном.

Я сказал резко:

– Дорогой граф, даже и не мечтайте. Думаете, мне не пришлось ограничить себя во всем? С каждым титулом все меньше личной свободы!

– А не личной? – спросил он хитро.

Я отмахнулся.

– Я хочу грести себе или под себя всего и много, а от себя – ничего. Я же человек, а не пернатая курица, хотя Диоген и уверял, что человек – это петух без перьев. Но так не удастся, уже понял. Потому и вы, дорогой и достопочтенный граф, не можете...

Он сказал сварливо:

– Потому вы и тычете мне в глаза этим графством, не переставая, да? Чтоб не вольничал?

– Просто приучаю, – сообщил я скромно. – Даже если до конца дней изволите стоять на мостике, гордо всматриваясь в даль и мучаясь старческой подагрой, то передадите графский титул бастардам, разбросанным по всему Черро...

– У меня есть и законные дети, – ответил он гордо, пояснил неуклюже: – Пусть и не в браке, но я знаю, что мои. Так что да, с титулами вы нас поймали крепко, с такого крючка не сорвешься... Мои головорезы в каждом порту бахвалят-

ся, что они – благородного сословия... Хорошо, сэра Ричард, я отправлю с вами хорошую команду. Но все-таки будьте осторожны.

– Вы тоже будьте бдительны, – сказал я. – И никаких опрометчивых действий, адмирал! Доверяйте разруливать всякие трудности мне, своему мудрому сюзерену. В том числе и эти... возможные, на острове.

– Все-таки ожидаете?

– Нет, – подчеркнул я, – просто я всегда готов.

Он поморщился.

– Ладно-ладно. Я отведу душу, когда вы построите те большие корабли, что обещаете...

– Они в самом деле будут большими, – подчеркнул я. – А теперь... шлюпку на воду!

Сверху раздался жизнерадостный вопль:

– На брасах стоять!

Корабль двигался быстро, но мой приказ уже пошел в массы, вскоре кто-то внизу прокричал:

– Крепить снасти! Подтянуть брасы!

Мне казалось, что корабль пойдет еще быстрее, но он, напротив, начал сбавлять скорость.

Затем протяжный крик:

– Убрать кливера!

Несколько голосов ответили, наконец паруса начали сворачиваться будто сами по себе, если не принимать во внимание облепивших мачты матросов. Корабль едва двигался,

наконец в воду с грохотом полетел якорь.

Я вытащил из-за пазухи цепочку с амулетами, пусть видят все. С колдовством и вообще магией ситуация вообще-то интересная. Каждый старается заполучить какой-нибудь оберег, амулет, а то и талисман, в то же время все на дух не переносят колдунов и магов. Одно дело, когда магическим амулетом воспользуется добрый христианин себе на пользу, он все-таки одно, а амулет – другое, а вот если колдун своими заклятиями что-то творит, это уже противно Господу и должно быть уничтожено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.